

СЕБАСТЬЯН ЮНГЕР

П Л Е Е М Я

КАК ВЫЖИТЬ В МИРЕ
ТОТАЛЬНОГО ОДИНОЧЕСТВА

20 000 000
ПРОСМОТРОВ
НА САЙТЕ TED

Annotation

Почему у жителей мегаполисов все чаще диагностируют депрессию без видимых причин? Почему панические атаки давно стали приметой нашего времени? Почему симптомы пост-травматического расстройства проявляются у тех, кто не получил никакой травмы? Чем болеет наше общество? На эти вопросы самым неожиданным образом отвечает военный журналист и режиссер Себастьян Юнгер. Его выступление на конференции TED заставило буквально рыдать часть слушателей, а у части вызвало праведный гнев. Эта книга, ставшая продолжением лекций и научных статей Юнгера, объясняет, как устройство современного общества влияет на психику человека. Обращаясь к антропологии, автор убедительно доказывает: нас травмируют не войны, личные потери или природные катаклизмы – нас травмирует разобщенность. И доказав это, он дает простой и одновременно бесконечно сложный рецепт исцеления.

- [Себастьян Юнгер](#)
 -
 -
 - [От автора](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Мужчины и псы](#)
 - [Война превращает тебя в зверя](#)
 - [Я просыпаюсь в горькой безопасности](#)
 - [Звонок домой с Марса](#)
 - [Послесловие](#)
 - [Благодарности](#)
 - [Источники](#)
 - [Об авторе](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Себастьян Юнгер

Племя

Sebastian Junger
Tribe: On Homecoming and Belonging

© 2016 by Sebastian Junger

* * *

*Эта книга посвящается моим братьям: Джону,
Эмери и Вождю*

От автора

Эта книга выросла из моей статьи «Как ПТСР^[1] стало проблемой далеко за пределами поля боя» в июньском выпуске «Вэнити Фэйр» в 2015 году. Некоторые отрывки из нее публикуются здесь без изменений. Весь исходный материал для книги указан в разделе «Источники». Я не использую сноски – мне кажется, они затрудняют чтение и поэтому уместны только в учебниках. Однако я считаю, что часть научных исследований современного общества, посвященных войнам и посттравматическому стрессовому расстройству, может удивить или даже огорчить некоторых читателей. Поэтому я решил хотя бы вскользь сослаться в тексте на эти источники, чтобы читатель мог сам проверить информацию, если понадобится.

И книга, и статья содержат фразы, которые покажутся некоторым спорными или даже оскорбительными. Первая – это «американский индеец». Многие люди предпочитают употреблять выражение «коренной американец». Но когда я брал интервью у апача Грегори Гомеса, он подметил, что этот термин применим к людям любой этнической принадлежности, родившимся в Соединенных Штатах. Гомес настоял, чтобы я говорил «американский индеец».

Другой спорный термин – это «посттравматическое стрессовое расстройство». Кто-то справедливо скажет, что, говоря «расстройство», мы вешаем ярлык на тех, кто сражается с травмой, полученной на войне. Я специально использую это выражение, поскольку, на мой взгляд, любая долгосрочная реакция на травму – это «нарушение нормальных физических или умственных функций». Именно такое определение Оксфордский словарь американского английского языка дает слову «расстройство». Большинство работников здравоохранения – и многие солдаты – согласны с этой позицией.

И наконец, в этой книге я пересказываю от первого лица некоторые события, случившиеся много лет назад, еще до того, как мне довелось стать журналистом. У меня нет записей этих сцен, и диалоги не зафиксированы нигде, кроме как в моей памяти. Обычно речь, идущая в кавычках, должна подтверждаться записью на пленке или в блокноте, а любое событие следует документировать прямо по ходу происходящего или вскоре после его окончания. Однако для пересказа тех нескольких

историй мне пришлось полностью положиться на свою память. Хорошенько обдумав этот вопрос, я решил, что не нарушу своих журналистских стандартов, если поясню читателям, что не имею документальных свидетельств. Меня всю жизнь сопровождали мысли о героях моих историй, которые часто были моральным ориентиром для моих собственных поступков. Я лишь хотел бы знать, кто они такие, чтобы каким-то образом отблагодарить их.

Предисловие

Осенью 1986 года, после окончания колледжа, я отправился путешествовать автостопом. Мне никогда не приходилось бывать к западу от реки Гудзон, отчего казалось, что в Дакоте, Вайоминге и Монтане я найду не только настоящую Америку, но и настоящего себя.

Мое детство прошло в пригороде Бостона, где дома спрятаны за высокими изгородями или огромными деревьями, а соседи едва знакомы друг с другом. Им это и не нужно: там никогда не случается ничего, что требовало бы коллективных усилий. Со всеми бедами разбирается полиция, пожарные или в крайнем случае городские ремонтные бригады. Однажды летом я работал в одной из них. Помню, что слишком налегал на лопату и бригадир велел мне уgomониться, ибо «некоторым из нас предстоит заниматься этим до самой пенсии».

Жизнь в американском пригороде была настолько предсказуемой, что я начал надеяться – довольно безответственно – на ураган, торнадо или на любое другое бедствие, которое сплотит нас ради выживания. То есть сделает жителей мирного Бостона единым племенем. Я не хотел разрухи и хаоса, а наоборот – грезил о солидарности. Мне мечталось доказать собратьям, что я чего-то стою. Но, увы, в мире аккуратных коттеджей и стриженных газонов не было места опасностям.

Как стать взрослым в обществе, которое не требует жертв? Как стать мужчиной в мире, где не нужна храбрость?

Иными словами, в юности у меня не было возможности проверить себя на прочность, и я решил сам организовать ситуацию, которую не смогу контролировать, – например, проехаться автостопом по стране. Поэтому однажды октябрьским утром 1986 года оказался близ города Джилетт в штате Вайоминг с рюкзаком за плечами и автомобильной картой в заднем кармане джинсов. Я стоял, облокотившись на перила моста, а мимо с грохотом мчались полуприцепы. Люди в проезжающих пикапах пристально разглядывали одинокого паренька. Некоторые опускали стекла и швыряли в меня пивные бутылки, которые от удара об асфальт разлетались на осколки.

В рюкзаке у меня лежали палатка, спальный мешок, набор алюминиевых котелков и шведская походная плитка, в которой закончился бензин. Эти вещи да недельный запас еды – вот и все, что у меня было в то утро у города Джилетт в штате Вайоминг, когда ко мне подошел незнакомец.

На нем был старый стеганый комбинезон. В руках мужчина держал черную коробку для обедов. Я выпрямился и повернулся к нему лицом. Он подошел ближе и остановился, изучая меня. Его всклокоченные волосы выглядели давно не мытыми, а комбинезон был засален до блеска. Мужчина не казался опасным, но я был юн и одинок, поэтому глядел на него волком. Он спросил, куда я направляюсь.

«В Калифорнию», – ответил я.

Незнакомец кивнул. «У тебя есть еда?» – поинтересовался он.

У меня было достаточно еды. Если бы путник попросил, то я бы поделился не задумываясь. Но мне не улыбалось оказаться ограбленным, а намечалось, похоже, именно это.

«Да так, немного сыра». Это была неправда.

Я готовился постоять за себя, но незнакомец лишь покачал головой: «На одном сыре до Калифорнии не добраться. Тебе нужна еда».

Потом он сообщил, что живет в сломанной машине и каждое утро ходит три мили пешком до угольной шахты за городом в поисках работы на день. Иногда находит, иногда нет, но сегодня ему не повезло. «Так что сейчас мне это не нужно, – сказал он, открывая черную коробку. – Я хотел убедиться, что у тебя все в порядке».

В коробке лежали сэндвич с вареной колбасой, яблоко и пакет картофельных чипсов. Наверное, это была еда из местной церкви. Мне пришлось ее взять. Я поблагодарил его, положил гостинцы в рюкзак и пожелал удачи. Незнакомец повернулся и пустился в обратный путь, вниз к Джилетту.

Весь остаток своего путешествия я думал об этом человеке. И думал о нем всю жизнь.

Дело не в его щедрости, ведь многие из нас щедры. Это другое – он почувствовал ответственность за незнакомого мальчишку. Увидел меня, находясь в городе, и прошагал полмили до шоссе, чтобы проверить, все ли в порядке.

Роберт Фрост писал, что дом – это место, где тебя обязательно примут, если ты придешь.

Слову «племя» гораздо труднее дать определение, но начать можно с того, что это люди, с которыми ты обязан поделиться последним куском.

По причинам, которые я никогда не узнаю, человек в Джилетте отнесся ко мне как к члену своего племени.

Я посвятил эту книгу ответу на вопросы: «Почему современные люди так редко испытывают подобное чувство, в чем его ценность и как его нехватка сказалась на всех нас?» Она о том, как племенные общины учат нас быть преданными, и о вечном человеческом поиске смысла. О том, почему многим кажется, что война лучше мира, почему бедствие может обернуться великим благом и почему о катастрофе порой вспоминают с бóльшим трепетом, чем о свадьбе или отпуске в тропических странах.

Люди не против бедствий, они против того, чтобы быть ненужными.

Современное общество часто показывает людям, что они не нужны.

Пришла пора покончить с этим.

Мужчины и псы

Америка всегда боролась с коренным населением. Общество, которое принято называть цивилизованным, с самого начала противостояло жизненному укладу индейцев и пыталось их ассимилировать. За минувшие столетия США стали процветающей индустриальной страной, раздираемой классовыми и расовыми противоречиями, но ее связывал воедино свод законов. Законов, которые хотя бы в теории уравнивают всех людей.

Индейцы жили общинами, где царило равноправие, а решения чаще всего принимались методом коллективного согласия. Личную власть нужно было заслужить, а не захватить, и доставалась она лишь тем, кто был готов ее принять. Несогласные могли сменить место жительства.

Многолетнее соседство этих двух культур позволяло представителям обеих сторон решать, как им жить. К концу XIX века в Чикаго строились фабрики, в Нью-Йорке росли трущобы, а в тысяче миль от них индейцы сражались с помощью копий и томагавков. Но поразительное число американцев – по большей части мужчин – уходило жить к индейцам.

Белые присоединялись к индейским общинам, вступали в брак с их женщинами и даже порой воевали бок о бок наравне с ними. А вот

индейцы крайне редко примыкали к белым. Миграция всегда шла от цивилизации к племенному укладу. И это кое-что говорит нам о человеческой природе.

Западным мудрецам оставалось только гадать, почему их общество так явно отвергают.

Бенджамин Франклин писал в письме к другу: «Когда ребенок индейцев воспитывается среди нас, то он изучает наш язык, приучается к нашим обычаям. Но если ему доведется отправиться навестить свою родню и пообщаться с ними, то его будет уже невозможно убедить вернуться назад». При этом Франклин замечал, что белых пленников, освобожденных индейцами, было почти невозможно удержать дома. «Несмотря на то что друзья платили за них выкуп и обращались со всей мыслимой заботой, пытаясь убедить остаться среди англичан, вскоре бывшие пленники начинали питать отвращение к нашему образу жизни... и при первой же возможности бежали обратно в леса».

Вопрос белых перебежчиков в индейские племена особенно остро встал во время войны в Пенсильвании. Весной 1763 года Понтиак, вождь индейцев оттава, созвал совет племен у небольшой речки на территории нынешнего штата Мичиган. Угроза растущих белых поселений сплотила индейские племена сильнее, чем любой мир и благополучие. Понтиак считал, что с достаточным числом союзников он сможет выгнать белых обратно на старые территории. Среди индейцев были сотни поселенцев, которых взяли в плен и приняли в племена. Некоторые были довольны своими новыми семьями, некоторые – нет, но вместе они представляли огромную политическую проблему для колониальных властей.

Собрание племен координировалось посыльными, которые в день проходили десятки миль и несли дары – вампумы из перламутровых бус и табак – вместе с сообщением о срочном собрании. Узор из бус был таков, что даже отдаленные племена понимали: встреча назначена на пятнадцатый день месяца варения смолы. Группы индейцев стекались к реке и располагались вдоль берегов. Наконец утром дня, который английские поселенцы считали двадцать седьмым апреля, старики пошли через весь лагерь, созывая воинов на совет.

«Они выходили из своих хижин. Высокие обнаженные фигуры с колчанами на спинах и легкими боевыми дубинками в руках, – спустя

столетие написал историк Френсис Паркман. – Оттавы, плотно завернутые в свои яркие попоны, гуроны в раскрашенных рубашках, замшевых штанах и с головными уборами из перьев. Вскоре все сели кругом на траве в несколько рядов, являя собой серьезное и безмолвное собрание».

Понтиак был известен своим красноречием, и к концу дня он убедил собравшихся воинов, что на кону стоит будущее их народов. Три сотни индейцев пошли в атаку на английский форт, а еще две тысячи воинов в лесах ждали команды к наступлению. Вначале они попытались захватить форт хитростью, но неудачно. Тогда отступили и вскоре напали открыто, с боевым кличем, неся во рту пули, чтобы было проще перезаряжать оружие.

Эта попытка также провалилась, но вскоре после нее все окрестности стали зоной военных действий. Фактически каждый сторожевой форт подвергся одновременной атаке. Многие из укреплений были захвачены, а их защитники жестоко убиты. Отряды снимателей скальпов прятались в лесах и совершали налеты на уединенные фермы и поселения. Их жертвами стали около двух тысяч поселенцев. Выжившие спасались бегством на восток, пока граница Пенсильвании не отодвинулась.

Англичане отреагировали на это не сразу, но потом были неумолимы. Остатки 42-го и 77-го пехотного полка шотландцев, которые недавно вернулись с войны на Кубе, собрали в бараках и подготовили к маршу на две сотни миль в форт Питт. К ним присоединилось семьсот местных ополченцев, а также тридцать охотников и следопытов из окрестных лесов. Шотландцы должны были защищать фланги колонны, но их почти сразу освободили от этой задачи, потому что горцы постоянно терялись в лесу.

Кампанией командовал молодой швейцарский полковник по имени Анри Буке. В Европе он участвовал в большом количестве сражений и присоединился к англичанам ради карьерного продвижения. Его приказы были просты. Пройти маршем через Пенсильванию, где лесорубы будут расчищать путь для повозок. Укрепить форт Питт и другие осажденные гарнизоны. Пленных не брать. Женщин и детей из коренного населения схватить и продать в рабство. За любой скальп, мужской или женский, срезанный белыми поселенцами с индейских голов, полагалось вознаграждение.

За несколько месяцев армия Буке одолела сопротивление краснокожих. А следующим летом англичане провели кампанию уже в самом сердце индейской территории. Проходя иногда по десять миль в день, армия Буке продвигалась по богатой равнинной местности. Они шли через громадные лиственные леса, открытые саванны, питаемые бесчисленными ручьями и реками. Некоторые из рек имели галечные пляжи, раскинувшиеся на много миль. По ним спокойно могли пройти повозки с провизией для колонны. В лесу практически не было подлеска, и его легко преодолевали и пешие, и конные. Их путь лежал через райские места, и Буке расписывал эти природные красоты чуть ли не на каждой странице своего дневника.

К середине октября Буке достиг реки Маскингам, протекающей по территории индейцев шауни и делаваров. Там он принял у себя делегацию, явившуюся просить о перемирии. Надеясь вселить в них страх, Буке развернул свое войско на прилегающем лугу. Там выстроились солдаты со штыками наперевес, шотландцы в килтах под полковыми флагами, а также жители лесной глуши, одетые почти как индейцы.

Первым делом Буке потребовал немедленно выдать англичанам всех белых пленников. Любая проволочка приравнивалась к объявлению войны. За следующие несколько недель к нему привели около двухсот пленных, больше половины которых составляли женщины и дети. Многие дети были так малы, что и не помнили другой жизни. Некоторые забыли имена, которыми их крестили, поэтому в grossбухи малышей и подростков записывали как Красная Куртка, Большая Голова, Кривой Рот и Кислая Слива.

Войско Буке сопровождали десятки родственников белых пленников. Но радость европейцев по поводу воссоединения с потерянными родными была омрачена тем, что освобожденные пленники совсем не были этому рады.

Молодые жены индейцев с неохотой представляли перед прежними семьями. Дети кричали, когда их отнимали у индейской родни и отдавали людям, которых они считали врагами.

Индейцы, очевидно, очень страдали от разлуки с членами своих семей. Когда армия Буке выступила в форт Питт в начале ноября,

многие последовали за колонной. Они приносили родне пойманную дичь, пытаясь как можно дольше оттянуть расставание. Один храбрец из племени минго отказался оставить молодую женщину из Виргинии, несмотря на угрозы ее семьи прикончить его на месте. «Вне всяких сомнений, многие взрослые не желали возвращаться домой, – писал Уильям Смит, современник Буке. – Шауни связали себя узами брака с некоторыми из пленников... и несколько освобожденных женщин впоследствии смогли сбежать обратно в индейские поселения».

Тот факт, что спасенные Буке белые с неохотой покидали приемное племя, поставил под сомнение предполагаемое превосходство западного общества. Было понятно, почему маленькие дети не желали возвращаться в прежние семьи. Однако и взрослые вроде печально известного «белого дикаря» Саймона Герти сами искали убежища у индейцев и даже сражались вместе с ними наравне. Как подметил Франклин, множество поселенцев были похищены во взрослом возрасте, но все же отдали предпочтение именно индейцам. А что сказать о мужчинах, которые добровольно ушли в леса и не вернулись домой? Зона поселений белых была полна людей, примкнувших к индейским племенам, взявших в жены индейских женщин и проживших всю свою жизнь вдали от цивилизации.

«Тысячи европейцев стали индейцами, но ни один из аборигенов не стал европейцем по своей воле. Что-то в их общественном строе привлекает и намного превосходит то, чем можем похвастаться мы».

Об этом с горечью писал французский эмигрант Гектор де Кревекур в 1782 году. Эта проблема возникла почти сразу, как европейцы достигли американских берегов. Еще в 1612 году испанские власти с удивлением наблюдали, как около пятидесяти тысяч виргинцев женились на индианках и ушли в их племена. Даже английские женщины открыто и охотно общались с аборигенами. К тому моменту белые пробыли в Виргинии всего несколько лет. Многие из примкнувших к индейцам не были суровыми жителями английских поселений, то были сыновья и дочери Европы, сбежавшие к дикарям.

«Индейские женщины добывают топливо, пекут хлеб и готовят еду. Но, несмотря на это, им живется не труднее, чем белым женщинам», – писала пленница сенеков Мэри Джеймисон на исходе

своей долгой жизни. В возрасте пятнадцати лет ее похитили с семейной фермы. И она так полюбила жизнь с сенеками, что однажды даже спряталась от группы искавших ее белых. «Нами никто не помыкал. Мы были свободны и могли работать без всякой спешки. Жизнь индейцев в мирные времена состояла из бесконечных удовольствий», – объясняла она.

В попытке остановить отток молодых людей в леса власти начали строго наказывать всех, кто общался с индейцами. Пуританским лидерам Новой Англии особенно досаждало то, что кто-то из поселенцев мог отвернуться от христианского сообщества. «Если их не остановить, люди будут готовы одичать, бежать в леса и вновь удариться в язычество», – сетовал один из ранних пуритан Инкриз Мэзер в трактате под названием «Рассуждение об опасности отступничества». Мэзер был одним из первых распорядителей Гарвардского университета и всю жизнь пытался объявить вне закона любое пренебрежение пуританской моралью. Но эта битва оказалась бесплодной. Поселения не подчинялись власти церкви и государства, а вне этих рамок люди были склонны делать все, что им захочется.

Очевидно, на природе вести индейский образ жизни было удобнее. Вскоре белые поселенцы начали сбрасывать европейские одежды и открыто подражать людям, которых часто звали «дикарями». Они одевались в оленью кожу и штаны, открывающие зад, а на бедра повязывали миткаль – суровую ткань. Некоторые даже приходили на воскресные службы в таком виде. Девушки в одной церкви однажды так сильно увлеклись этим зрелищем, что священник отругал их за невнимание к проповеди. Мужчины курили табак, носили на поясе томагавки, перенимали индейские языки и обычаи. Они учились выслеживать добычу, тихо и стремительно передвигаться по лесу. Пуритане называли их новые повадки «искусством тайной войны», потому что те нападали исподтишка и поодиночке, вместо того чтобы выстраиваться шеренгами, как оловянные солдатики.

«Мужчины и псы радуются, а бедным женщинам приходится страдать», – написала жена одного первопоселенца в письме своей сестре. Она жаловалась, что ее муж Джордж отказался делать их новорожденному сыну деревянную люльку из досок и велел укладывать его в выдолбленное полено. Единственная рубашка мальчика была соткана из крапивы, а подушка вырезана из дерева.

Когда мать сказала, что кожа ребенка покрывается сыпью и язвами от такого обращения, Джордж отрезал, что тяготы лишь сделают его впоследствии хорошим охотником. «Джордж раздобыл себе рубашку и штаны из оленьей кожи, – добавила женщина. – Он дни и ночи проводит на охоте».

Наши современники легко романтизируют жизнь индейцев. Наверное, так же к ней относились и люди вроде вышеупомянутого Джорджа. Но не стоит поддаваться заблуждению. Практически все индейские племена вели войны с соседями и прибегали к совершенно отвратительным формам пыток. Если пленника не зарубили томагавком на месте, ему могли вспороть живот и привязать к дереву собственными кишками, или до смерти зажарить на медленном огне, или живьем скормить собакам.

Впрочем, в те времена испанская инквизиция не покладая рук чинила такое же варварство, прикрываясь именем католической церкви. Еретиков регулярно сжигали заживо, пытали на дыбе, распиливали пополам вдоль или сажали на кол. Протестантская Реформация многое изменила в христианстве, но эти перемены не коснулись его садистских склонностей. Лидеры ранних пуритан в Новой Англии также славились жестокостью правосудия. Другими словами, жестокость во многом была нормой для той эпохи, и коренные племена Северной Америки не являлись исключением.

Однако что касается всего остального, то с очарованием индейцев ничто не могло тягаться. Охота явно была интереснее, чем возделывание полей, а сексуальные нравы – куда свободнее, чем в ранних колониях. Так, в 1600-е годы мальчики подвергались публичной порке, если их заставляли беседующими с девушками, которые не приходились им родней. Индейская одежда была удобнее, индейская религия – менее суровой, индейское общество не имело классов и строилось на равноправии.

Зона поселений в Северной Америке неуклонно разрасталась, и новые поколения первопроходцев постоянно присоединялись к индейским племенам.

Самым заманчивым в жизни коренного народа было равноправие, лежащее в основе всего их уклада. Частную собственность ограничивало только количество вещей, которое можно перевезти на

лошади или перенести на себе. Поэтому у них не возникало существенного имущественного неравенства. Успешные охотники и воины могли содержать несколько жен, но, в отличие от современного общества, привилегии редко передавались потомкам. Все мужчины могли заниматься охотой и войной, чтобы повышать свой статус, а женщины ощущали себя свободнее европейских, в том числе в сексуальном плане. Они рожали меньше детей, чем было принято в белом обществе.

Вот что говорила одна белая жительница колоний, попавшая к индейцам: «Здесь у меня нет хозяина. Я равна всем женщинам в племени, делаю, что захочу, и никто меня этим не попрекает. Работаю только для себя, выхожу замуж по желанию и могу по желанию вновь стать незамужней. Есть ли в ваших городах хоть одна женщина столь же независимая, как я?»

Имея эти базовые свободы, члены племен были склонны к исключительной преданности. Белый пленник народа кикапу, известный как Охотник, писал, что ни разу не слышал ни об одном случае предательства, следовательно, наказания за такой проступок просто не существовало. Но трусость каралась смертью, как и убийство соплеменника или любая связь с врагом. Эта простая нравственная черта ставила преданность и храбрость выше других благодетелей и делала сохранность племени практически святым долгом.

Это и был святой долг.

Западное общество весьма озадачено. Его не сильно волнует вопрос, почему жизнь в племени привлекает людей. Тут ответ очевиден. Но почему само это общество так непривлекательно? Ведь нет сомнений, что с материальной точки зрения оно удобнее тяжелой жизни в первобытной общине, не говоря уж о безопасности. Однако чем богаче общество, тем больше времени и сил оно требует от человека.

Возможно, в такой ситуации многим кажется, что свобода – слишком высокая плата за богатство и безопасность.

Одно исследование в 1960-е годы выявило, что представителям народа кунг в пустыне Калахари для выживания требуется работать не больше двенадцати часов в неделю, грубо говоря, они работают на три

четверти меньше времени, чем средний городской житель. «Это открытая совокупность сотрудничающих людей, размер и состав которой меняется день ото дня, – восторженно писал антрополог Ричард Ли. – Ее члены каждый день охотятся, добывают пищу, а вечером складывают всю добычу вместе, чтобы каждый из присутствующих получил равную долю... Из-за обязательного дележа и постоянных переездов накопить лишнее имущество... практически невозможно».

Климат в Калахари – один из самых суровых в мире, и кунги до самых 1970-х годов продолжали жить на уровне каменного века именно потому, что никому больше там жить не хотелось. Кунги же так хорошо приспособились к своей среде, что во время засухи жившие поблизости фермеры бросали свое хозяйство, чтобы примкнуть к ним. Потому что собирательство и охота были более надежным источником пищи.

Сравнительно спокойный темп жизни кунгов, даже во времена распрей, ставил под сомнение идею о том, что современное общество подарило людям избыток свободного времени. Увы, оно принесло абсолютно противоположное, а именно бесконечный круговорот: работа, выплата долгов, работа... У кунгов было гораздо меньше имущества, чем у жителей Запада, поэтому они намного лучше управлялись со своей жизнью.

Антропологи считают, что жизнь кунгов практически идентична существованию наших обезьяноподобных предков более миллиона лет назад. Древние люди – это кочевые группы где-то по пятьдесят человек, подобно кунгам. Уровни травм и смертности среди них были высоки. Они не давали доминировать старшим мужчинам, не допускали накопления имущества, проявлений эгоизма. Конечно, временами они терпели голод, насилие и бедствия, но крайне серьезно относились к воспитанию потомства. Очень редко кто-то из них оставался один, каждого из них постоянно окружала компания соплеменников.

Вначале земледелие, а потом и промышленность изменили две основополагающие вещи в человеческой жизни. Накопление личного имущества позволило людям все чаще принимать решения только за себя, и это неизбежно мешало группе прийти к единой цели. С модернизацией общества люди всё больше утрачивали зависимость от каких-либо групп.

Впервые в человеческой истории житель современного города может весь день, а то и всю жизнь провести, сталкиваясь в основном с незнакомцами. Он может быть окружен людьми, но при этом испытывать глубокое одиночество.

Многое указывает на то, что нам тяжело так жить. Да, понятие счастья крайне субъективно, это состояние с трудом поддается измерению, но зато мы можем изучать умственные расстройства. Множество исследований показало, что современное общество, несмотря на почти фантастические прорывы в медицине, науке и технологиях, в высочайшей степени поражено депрессией, шизофренией, отличается плохим здоровьем, тревожностью и хроническим одиночеством. Когда общество разбогатело и переселилось в города, число людей, пораженных хандрой и склонностью к самоубийству, стало расти, а не падать. Богатство не спасает людей от клинической депрессии, а как будто даже подкрепляет ее.

В племенах, чья культура не подвергалась внешним изменениям, трудно изучить уровень самоубийств, потому что исследователи, впервые обнаружившие их, редко занимались этим вопросом. Мы практически ничего не знаем о самоубийствах на почве депрессии в племенах. Например, американских индейцев подталкивали к самоубийству совершенно конкретные обстоятельства. Это, например, нежелание обременять племя в старости, горе из-за кончины супруга, героическая, но безнадежная борьба с врагом или желание избежать мучений при пытках. Племена, сильно пострадавшие от эпидемии оспы, также допускали самоубийство человека, которого страшно обезобразила болезнь. В ранней хронике американских индейцев «Этика суицида: исторические источники» не зафиксировано других примеров самоубийства на психологической почве. Более того, среди индейцев многих и многих племен вообще не случалось самоубийств.

Это разительно отличается от статистики современных обществ, где уровень самоубийств достигает 25 случаев на 100 тыс. человек. В США белые мужчины средних лет в настоящее время кончают с собой примерно в 30 случаях на 100 тыс.

Согласно глобальному опросу Всемирной организации здравоохранения, люди в богатых странах страдают от депрессии в восемь раз чаще, чем в бедных.

У жителей стран с сильной разницей в доходах населения повышен риск развития серьезных расстройств. В исследовании 2006 года сравнили уровень депрессии в Нигерии и Северной Америке. В ходе его было обнаружено, что женщины, выросшие в сельской местности, реже впадают в нее, чем жительницы города. Североамериканские горожанки – самая богатая прослойка – более всего страдают от депрессии.

Механизм кажется простым. Бедным людям приходится тратить больше времени и ресурсов, в результате они селятся тесными коммунами. Взаимозависимая бедность связана с характерными стрессами, и, конечно, для американцев это не идеал жизни, но она куда ближе нам с точки зрения эволюции, чем достаток. Богатый человек, который никогда не полагается на помощь и ресурсы своей коммуны, живет привилегированной жизнью. Но финансовая независимость может привести к изоляции, а изоляция сильно повышает риск депрессии и суицида.

Может быть, жизнь в благополучном обществе и стоит того, но все же за такую жизнь приходится платить.

То, как сильно мы концентрируемся на богатстве, хорошо видно через призму профессии юриста. В 2015 году были опубликованы результаты обследования более 6 тыс. юристов. Оказалось, что карьерный успех, например высокая почасовая оплата или должность в адвокатском бюро, никак не сопоставим с уровнем счастья. В то время как публичные адвокаты, которые имеют куда более низкий статус, чем корпоративные юристы, похоже, живут счастливее. Это согласуется с так называемой теорией самоопределения, которая гласит, что для удовлетворения человеку требуются три базовые вещи: компетентность, самостоятельность и связь с окружающими. Эти ценности считаются «внутренними», и они намного перевешивают «внешние» ценности, такие как красота, деньги и статус.

Говоря прямо, в наши дни в обществе делается больший акцент на внешние, а не на внутренние ценности. Богатство растет, но растут и

проблемы с психическим здоровьем. Чем глубже человек погружается в американское общество, тем выше вероятность, что он столкнется с депрессией независимо от его этнической принадлежности. Мексиканцы, родившиеся в Соединенных Штатах, богаче жителей самой Мексики, но они чаще страдают от меланхолии. Им, как и богатым юристам, труднее достичь трех столпов самоопределения: самостоятельности, компетентности и общности, – а следовательно, справиться с повышенной угрозой хандры. Напротив, в религиозной общине амишей уровень депрессии чрезвычайно низок, поскольку многие амиши не соприкасаются с современным обществом, вплоть до того, что даже не водят машины.

В «Журнале эмоциональных расстройств» в 2012 году отмечалось: «Силы экономики и маркетинга создали в современном обществе среду, которая возносит на пьедестал потребление в ущерб благосостоянию. Бывший примат, а ныне человек теперь ужасно страдает от обжорства, гиподинамии, недостатка солнечного света, плохого сна, конкуренции, неравенства и изоляции от общества».

Люди всё сильнее чувствуют, что современное общество и достаток отчуждают их буквально с рождения, и это отчуждение с годами нарастает.

В обществе охотников-собирателей матери почти все время носят ребенка с собой, что характерно и для других приматов. Тактильный контакт необходим, это следует из эксперимента 1950 года, проведенного приматологом Гарри Харлоу. Детенышей макак отняли у матерей и посадили к двум куклам: уютной «маме» из махровой ткани и «злой мачехе» из проволочной сетки. Но у колючей «злой мачехи» был сосок, выделяющий теплое молоко. Детеныши старались наесться как можно быстрее, а затем бежали обратно к махровой маме, которая была мягкой и казалась заботливой. Очевидно, детенышам приматов жизненно важны прикосновения, близость. Люди – не исключение.

В Америке в 1970-е годы матери поддерживали тактильный контакт с младенцами не больше 15 процентов всего времени. В более раннем, традиционном обществе это расценили бы как издевательство над детьми. Такой же немислимой показалась бы практика укладывать маленьких детей спать отдельно. Но в 1980-е годы уже две трети маленьких детей спали одни в своей комнате. А в «интеллигентных»

семьях – девять из десяти. Мексика, США, Канада – единственные страны в истории человечества, где такое количество маленьких детей спит в одиночестве. Не поэтому ли многие дети сильно привязываются к плюшевым игрушкам и ищут у них общения и утешения. В других странах детей успокаивают взрослые, которые спят рядом.

Многие западные психологи считают, что детей нужно заставлять спать одних, чтобы они научились «самостоятельно успокаиваться». Но люди – это приматы, а они никогда не оставляют детенышей без присмотра, ведь те очень уязвимы перед хищниками. Дети и сами инстинктивно понимают это, поэтому им страшно быть одним в темной комнате.

А вот в Гватемале, в коммуне майя все иначе. Дети засыпают когда хотят и где хотят, у них нет никакой специальной одежды для сна или специальных предметов. В одной комнате с ними живут и спят родители, братья и сестры, а ночью их кормят по требованию. Другое исследование описывает Бали: «Детей учат засыпать как можно быстрее в любой обстановке, в том числе во время музыкальных представлений или при другом шуме, что полноценнее интегрирует их во взрослые общественные занятия».

Современное общество уменьшило роль коммуны и в то же время подчеркнуло роль властных лиц.

Эти две сущности плохо сочетаются между собой, и с ростом одной вторая обычно деградирует. В 2007 году антрополог Кристофер Боэм проанализировал 154 коммуны добытчиков, которые жили как наши предки. У всех был приблизительно равный уровень достатка. А еще было полное отсутствие диктаторской власти. «Группы взрослых мужчин не терпят тех, кто доминирует, унижает или очерняет других. Охота на крупную дичь требовала совместной, групповой дележки мяса», – отметил Боэм.

Поскольку первобытные добытчики крайне мобильны и могут легко перемещаться между разными коммунами, власть практически невозможно навязать тем, кто не желает ее. Но даже без этого мужчины, которые пытаются захватить контроль над группой, часто сталкиваются с сопротивлением других мужчин. Очевидно, это древний механизм адаптации, который объединяет группы и помогает одинаково заботиться обо всех их членах. В своем обзоре первобытных

обществ Боэм резюмирует, что помимо убийств и краж особого наказания в них заслуживало «нежелание делиться». Жизнь за чужой счет и угрозы также сурово карались. Наказания включали в себя публичное унижение, бойкот и, наконец, «убийство преступника всей группой».

В Испании есть пещерный рисунок, который изображает десять человек с луками в руках и одинокую фигуру на земле, утыканную десятью стрелами. Вся композиция больше походит на казнь, чем на гибель в бою. Боэм подчеркивает, что среди современных добытчиков групповые казни – один из самых распространенных способов наказания мужчин, которые пытаются ухватить себе слишком большой куш от ресурсов группы.

Исследование убедило Боэма, что моральное поведение базируется на давлении группы. Людей не только наказывают за дурные поступки, но и вознаграждают за хорошие. Когда человек делает что-то для другого – он получает не только одобрение группы, в его крови повышается уровень гормонов радости. Например, групповое сотрудничество способствует повышению уровня такого гормона, как окситоцин, который создает атмосферу доверия и сплоченности. Окситоцин поднимает настроение, стимулирует чувство благополучия и пробуждает в людях преданность группе. В конце концов это может привести к «самопожертвованию во благо группы».

Множество открытий можно сделать, наблюдая за современным обществом через призму сотрудничества и дележа ресурсов между людьми на протяжении миллиона лет. Вряд ли у охотников-добытчиков моральные устои выше, чем у других людей, им просто не прощают эгоистичное поведение, потому что они живут в маленьких группах, где почти всё открыто пылливому взгляду. А современное общество – это хаос, где людям безнаказанно сходят с рук непорядочность и подлость. То, что у первобытных людей считалось тяжелейшим проступком, предательством, современное общество просто воспринимает как мелкое мошенничество.

Например, около 3 процентов людей на бирже труда намеренно обманывают систему, что стоит США больше 2 млрд. долларов в год. Такой проступок в первобытном обществе подлежал бы немедленному наказанию. Мошенничество в сфере социального обеспечения находится примерно на том же уровне и приносит стране еще 1,5 млрд.

долларов убытков ежегодно. Однако эти цифры меркнут перед аферами в сфере медицинских льгот и помощи престарелым, которые, по самым скромным подсчетам, составляют около 100 млрд. долларов в год. Реальная цифра скорее всего больше раза в три.

Убытки от махинаций в сфере страхования насчитывают от 100 до 300 млрд. долларов в год, эта сумма напрямую взимается с потребителей в форме растущих надбавок. В общей сложности мошенничество в частном и государственном секторах стоит каждой семье в США приблизительно около 5 тыс. долларов в год, грубо говоря, она эквивалентна четырехмесячной зарплате по минимальной ставке.

Если коммуна охотников и собирателей лишится запасов еды на четыре месяца, ее выживание окажется под серьезной угрозой, и виновные в подобном бедствии будут очень жестоко наказаны.

Жители Запада живут в сложном обществе и имеют почти безграничные возможности добывать обманом относительно небольшие суммы денег. Поймать кого-то на мелком жульничестве очень трудно. Но откровенное мошенничество с крупными суммами, похоже, выследить еще труднее. Подрядчики американского Министерства обороны зарабатывают махинациями около 100 млрд. долларов в год. И они еще прилично выглядят по сравнению с финансовой индустрией.

ФБР докладывает, что со времен экономического спада 2008 года мошенничество с ценными бумагами в США возросло более чем на 50 процентов. Установлено, что за последние десять лет в аферах корпораций (инсайдерская торговля, откаты, взятки, подделки документов) участвовали генеральные или главные финансовые директора компаний. Кризис, который произошел из-за нелегальных банковских процедур, стоил американским акционерам нескольких триллионов долларов, выраженных в падении цен на акции. Считается, что он отбросил американскую экономику на пятнадцать лет назад. Общие убытки вследствие кризиса достигли 14 трлн. долларов, то есть почти 45 тыс. долларов на душу населения. Большинство племен и коммун добытчиков сурово наказало бы любого, кто стал причиной таких потерь.

Трусость – еще одна форма предательства, в большинстве индейских племен за него полагалась немедленная смертная казнь. Можно предположить, что мошенника в племенах наказывали бы не менее сурово, чем труса. Ему могли сохранить жизнь, но точно выгнали бы из коммуны.

Из-за сравнительно небольшой группки людей американское общество потеряло триллионы долларов, почти четверть годового ВВП, и при этом не осудило их за особо тяжкое преступление. Видимо, это говорит о том, что страна стала абсолютно непервобытной.

Нечестные банкиры, прохиндеи в сфере социального обеспечения и страхования – это современный эквивалент членов племени, которые потихоньку крали больше мяса и ресурсов, чем им полагалось по справедливости. Они совсем не то же, что альфа-самцы, которые запугивают соплеменников и открыто отбирают у них еду. Среди охотников-собираателей агрессивные самцы часто сталкиваются с сопротивлением других старших мужчин, но в современном обществе это происходит редко.

Многие годы Комиссия США по ценным бумагам пыталась заставить топ-менеджеров корпораций раскрыть соотношение их зарплат к зарплатам сотрудников среднего звена.

В 1960-е годы главы компаний в Америке обыкновенно зарабатывали порядка двадцати долларов на каждый доллар, заработанный рядовым сотрудником. С тех пор эта цифра возросла до трехсот и выше.

Торговая палата США блокировала все попытки силой разоблачить коэффициенты заработка в корпорациях, и только в 2015 году Комиссия по ценным бумагам наконец одобрила ослабленную версию этого правила.

С точки зрения охотников-собираателей, эти генеральные директора требуют себе непропорционально больше еды просто потому, что обладают достаточной властью. Племя вроде кунгов не допустило бы такого, потому что это представляло бы серьезную угрозу сплоченности и выживанию группы. Но в богатых странах вроде США дела обстоят по-другому. Время от времени в ней проходят акции против экономического неравенства (например, «Захвати Уолл-стрит»), но они по большей части мирные и неэффективные. Бунты и

демонстрации против расовой дискриминации, которые позже прошли в Фергюссоне и Балтиморе, отчасти смогли что-то изменить благодаря своей ожесточенности, которая угрожала мирному порядку.

Изменить фундаментальную экономическую несправедливость в Америке может серьезный, затяжной экономический кризис типа Великой депрессии. Или же природная катастрофа, которая унесет десятки тысяч жизней. До тех пор американская общественность, вероятно, не станет спорить с руководителями компаний, которые платят себе гораздо больше, чем приносят пользы обществу.

В этом заключается определенная ирония, поскольку США начались с борьбы именно с таким захватом ресурсов властью имущими. Английский король Георг III заставил колонии в Америке взбунтоваться, когда попытался обложить их налогами, а голоса в правительстве им не предоставил...

В этом смысле демократические революции – это просто версия групповых действий людей в племенах для борьбы с жадностью и превышением полномочий. Томас Пэйн, один из первых строителей американской демократии, официально порицал цивилизацию. Он писал: «Пошла ли на пользу или навредила цивилизация людскому счастью – это вопрос, над которым нужно сильно задуматься. И самые богатые, и самые бедствующие представители человечества обитают в странах, которые зовутся цивилизованными».

Когда Пэйн писал этот трактат, индейцы все еще нападали на поселения всего в нескольких сотнях миль от деловой части Филадельфии. Они брали в плен белых, но многие из них не желали возвращаться в колониальное общество. Мы не можем узнать, как повлияла на ход мыслей Пэйна жизнь по соседству с общинами каменного века, но, возможно, это влияние было критически важным. Пэйн признавал, что племена не превосходили белых в искусстве, науке и производстве, но все же в их обществе не было неимущих, а естественные права человека активно оберегались.

В этом смысле, утверждал Пэйн, у американских индейцев нужно поучиться тому, как устранить нищету и вернуть естественные права обратно в цивилизованную жизнь.

Война превращает тебя в зверя

Как и множество мальчишек, в детстве я играл в войну. Как и множество мужчин, я питаю к ней сильный и непоколебимый интерес. Война коснулась моей семьи, как и огромного числа других людей, без нее моей семьи могло вовсе не быть. Один из предков моей матери эмигрировал из Германии, участвовал в американской революции и в награду получил земельный надел в Огайо. Его фамилия была Гримм, он приходился родственником великим немецким сказочникам. Потомок Гримм взял в жены девушку из семьи, которую в 1781 году почти полностью вырезали индейцы, напавшие на их одинокую ферму. Только жена смогла спрятаться на кукурузном поле с четырехлетним сыном Джеймсом. Я – потомок Джеймса.

Мой отец был наполовину евреем и вырос в Европе. Ему было тринадцать лет, когда его семья бежала от испанской гражданской войны и поселилась в Париже. Но через четыре года ему вновь пришлось спасаться, уже от немецкой армии, на этот раз в США. Там молодой человек попытался записаться в армию, но ему было отказано

из-за астмы. В конце концов отец стал помогать вооруженным силам, работая над самолетными двигателями в Нью-Джерси. Позже он защитил диплом по механике жидкостей и занялся проектированием подводных лодок.

Когда мне исполнилось восемнадцать, я получил по почте свою карточку военной повинности на случай, если Соединенным Штатам потребуется призвать меня в армию. Но я заявил, что не собираюсь записываться. Война во Вьетнаме только что закончилась, и каждый мой знакомый взрослый был против нее. Лично я не имел ничего против армии, но просто не доверял правительству, которое могло отправить меня на никому не нужную войну.

Реакция отца удивила меня. Вьетнам сделал его яростным противником войны, и я ждал его похвалы. Но вместо этого он сказал, что американские солдаты боролись с фашизмом во время Второй мировой войны и что тысячи молодых американцев похоронены во Франции. Мне запомнились его слова:

«Не думай, что ты ничего не должен своей стране. Ты в долгу перед ней, и, может быть, тебе придется отдать ей свою жизнь».

Слова отца полностью перевернули мой взгляд на этот вопрос. Внезапно призыв в армию стал казаться не столько обязанностью, сколько возможностью совершить великое дело. Он ясно выразил мысль, что если Соединенные Штаты начнут войну, которая покажется мне неправильной, то я всегда могу отказаться в ней участвовать. По его мнению, протест против аморальной войны так же почетен, как участие в справедливой. В любом случае нужно помочь моей стране защитить принципы и идеалы, которые поддерживали меня всю жизнь.

Во многих племенных обществах молодым людям нужно было показать свою готовность к взрослой жизни, пройдя ряд испытаний. В некоторых племенах, таких как марана на севере Австралии, эти испытания были столь жестоки, что их участники время от времени погибали. Те, кто отказывался их проходить или проваливал эти испытания, не считались мужчинами, и им приходилось жить в неких «гендерных сумерках».

Современное общество, как мы можем видеть, не посвящает юношей в мужчины, но многие мальчишки все еще лезут из кожи вон, чтобы продемонстрировать свою готовность стать ими. И делают это весьма неуклюже. Они гоняют на машинах, ввязываются в драки, задирают друг дружку, занимаются спортом, вступают в студенческие братства, напиваются и ставят свою жизнь на карту тысячами идиотских способов. Девочки редко так рискуют.

В результате современные мальчишки гибнут от насилия и несчастных случаев гораздо чаще девочек. Многие поколения людей пытаются самостоятельно пройти такое посвящение, раз их общество больше этим не занимается.

С этой точки зрения, призыв мальчиков на войну – это скорее не жестокость, а помощь им в стремлении повзрослеть и заслужить сопутствующее этому уважение.

Во всяком случае, именно так мне удалось определить свой интерес к военной службе в молодости. Видимо, поэтому в тридцать один год я, сломленный и потерянный, оказался на бетонированной

площадке аэропорта Сараево, слушая треск пулеметов из соседнего пригорода.

Сараево пытались взять сербские войска, которые захватили бóльшую часть Боснии во время гражданской войны, начавшейся после распада бывшей Югославии. У меня почти не было журналистского опыта, но я прилетел в Вену, поездом добрался до Загреба и прибыл на станцию, где полевые орудия лежали рядом на повозках без бортов, а вокруг стояли солдаты с длинными ножами у пояса.

Стояла теплая летняя ночь, воздух был словно наэлектризован. Именно так мне представлялось все это в подростковом возрасте. Я взял тот же рюкзак, с которым десять лет назад ездил на запад, сложил в него стопку блокнотов, пенал с ручками, ручную пишущую машинку и смену одежды. В Сараево не было электричества, так что пишущая машинка дала бы мне возможность постоянно писать и сдавать статьи, если повезет получить заказ. У меня также был спальный мешок и письмо от редактора журнала, которого я попросил поручиться за меня, чтобы получить по приезду хотя бы журналистский пропуск.

В конце концов я добрался до Сараево на борту самолета ООН с гуманитарной помощью. Когда-то Сараево был великолепным городом эпохи Габсбургов, полным кафе, картинных галерей и театров, но теперь он изнемогал от июльского зноя и вонял горящим мусором. Искореженные машины заполнили перекрестки, где проходили уличные бои, и почти каждое здание было испещрено следами шрапнели. Верхние этажи здания газеты «Освобождение» провалились на нижний этаж.

Люди нанимали такси, чтобы подъехать поближе к линии фронта и поговорить по рации с друзьями по ту сторону, которые тоже приезжали на такси. Ночью город поглощала полная, абсолютная тьма. По нему можно было ходить так, будто ты – последний человек на Земле. А днем улицы наполнялись людьми, которые несли кувшины с водой, волокли ветки на растопку или в офисной одежде искали работу. Они изображали подобие прежней жизни. Пустыри вокруг многоквартирных домов были засажены овощами, а в реке даже стояла маленькая турбина из жестяных банок и велосипедного колеса, которая за день могла зарядить автомобильный аккумулятор.

Город протянулся с востока на запад вдоль узкой долины, окруженной горами. Когда сербы заняли высоту, то оборонять его стало

практически невозможно. Танки могли устраивать по зданиям прицельную стрельбу, легко пробивая стены, а в прежде неприступных зданиях вроде городского суда визжали минометы.

Снайперы занимали позиции на крутых склонах холмов и отстреливали гражданских по собственному усмотрению.

На глаза часто попадались тела пожилых людей, скрючившихся на улице с пулей во лбу и рассыпавших на тротуар продукты из пакета. До наступления темноты жители города нередко выбегали на улицы и утаскивали прочь эти тела.

Сербы контролировали каждую улицу, ведущую из города, и большинство горных вершин в округе. Они разрешали поставлять лишь то количество еды, которого людям хватало для выживания. Сербская мафия вдоль линий фронта вела дела с сараевской мафией, которая также боролась за защиту города, и обе заработали невероятное количество денег.

Главная дорога, которая проходила через весь город, была настолько открыта огню, что ее прозвали «аллеей снайперов». Бензин стоил 50 долларов за галлон, редкие автомобилисты ездили по ней на максимальной скорости, но все же многие из них не выжили.

После года осады боснийцы выкопали туннель под нейтральной зоной в аэропорту. До этого из города можно было выбраться, лишь перебежав через взлетную полосу под прицелом сербских пулеметов. Многие из тех, кто пытался это сделать, также не выжили. Каждое утро французские отряды ООН в аэропорту выезжали, чтобы собирать тела.

За время трехлетней осады почти 70 тыс. человек были убиты или ранены сербскими войсками, обстреливавшими город, – пятая часть населения. ООН подсчитала, что половина детей в городе своими глазами видели убийства и приблизительно каждый пятый потерял на войне члена семьи. Люди порой специально выходили к снайперам, чтобы те положили конец их страданиям.

Через год осады, как раз перед моим приездом, пара подростков вышла на нейтральную территорию у реки, чтобы перейти на сербскую территорию. Их очень быстро застрелили, юноша упал первым, а девушка ползла к нему, пока он умирал. Он был сербом, а она – боснийкой, они начали встречаться еще в старших классах школы. Их трупы пролежали там много дней, поскольку из той зоны забирать тела было слишком опасно.

Я видел в том городе множество странных искажений жизни, которые может породить лишь война, но, наверное, сильнее всего меня поразила одна картина. Мужчина средних лет в деловом костюме согнулся над каким-то холмиком во дворе современной высотки. Здание выглядело как обычный европейский банк или страховая компания, только вот все окна в нем были выбиты взрывом, а стены испещрены шрапнелью. Я присмотрелся и увидел, что мужчина складывал в кучу сухие ветки. Закончив, он поставил на вершину кучи алюминиевый ковш с водой и поджег ветки зажигалкой. Потом выпрямился и посмотрел на меня.

Я подумал, что Апокалипсис – это когда человек в деловом костюме разводит костер во дворе заброшенной высотки, чтобы вскипятить воду. В других обстоятельствах это мог быть любой из нас, в любой точке мира, но это случилось именно там, именно с ним, и я тут ничего не мог поделать. Он молча кивнул мне в ответ на мой кивок, и я оставил его в покое.

Можно точно сказать одно: перед общественным коллапсом все равны хотя бы некоторое время. Из-за землетрясения в 1915 году в итальянском городе Авеццано меньше чем за минуту погибли 30 тыс. человек. В самых пострадавших зонах количество погибших достигало 96 процентов. Пострадали и бедные, и богатые, и всем выжившим пришлось элементарно бороться за жизнь. Им нужны были еда, вода, кров. Еще спасти живых и похоронить мертвых. В этом смысле тектонические плиты под городом Авеццано воссоздали условия нашего общинного прошлого. Один из выживших написал:

«Землетрясение сделало то, что закон обещает, но на практике не обеспечивает. Оно сделало людей равными».

Томас Пэйн мог бы легко вдохновиться на создание свободного общества, глядя на выживших после землетрясения, а не на американских индейцев. Общины, опустошенные естественными или техногенными катаклизмами, почти никогда не впадают в хаос, даже напротив, они становятся справедливее, равноправнее и осознанно честнее к индивидам. (Несмотря на ложь в новостях, после урагана «Катрина» преступность в Новом Орлеане пошла на убыль, а большинство «мародеров» просто искали еду.) Такое коллективное поведение типично для мест, пострадавших от стихийных бедствий, и

именно эти добродетели Пэйн воспевал в своих революционных трактатах.

Вопрос общественного распада перед лицом бедствия внезапно остро встал в преддверии Второй мировой войны. Великие державы готовили массированные бомбардировки для того, чтобы спровоцировать массовую истерию в городах. Английские власти, к примеру, предсказывали, что немецкие налеты повлекут за собой 35 тыс. жертв в день в одном только Лондоне. Никто не знал, как мирное население отреагирует на бомбардировки. Но правительство Черчилля предположило наихудшее. Мнение чиновников о населении было настолько плохим, что разработчики спасательных операций с неохотой брались даже за постройку общественных бомбоубежищ. Они боялись, что люди поселятся там и вообще никогда не выйдут наружу. Экономическое производство резко пойдет на спад, а сами убежища послужат почвой для возникновения политических разногласий и даже роста коммунистических идей.

Чиновники ошиблись абсолютно по всем пунктам. «На самом деле все мы выходили на пляжи с разбитыми бутылками, чтобы так сражаться с немцами, – вспоминает одна женщина о всеобщей решимости дать отпор врагу. – Мы пошли бы на все, чтобы остановить их».

Немецкие бомбардировщики с 7 сентября 1940 года начали основательно бомбить Лондон и не останавливались до следующего мая. Пятьдесят семь дней подряд они волнами пролетали над Лондоном, сбрасывая тысячи тонн взрывчатки прямо на жилые районы.

Как известно, в период этих бомбежек множество лондонцев устало тащилось по утрам на работу, плелось через город к убежищам или станциям метро по вечерам, а затем – обратно на работу, когда наступал рассвет. Поведение в убежищах было таким примерным, что волонтерам даже ни разу не пришлось звать полицию для наведения порядка. Более того, толпа сама наводила порядок, следуя неписаным правилам, которые делали жизнь сносной для незнакомых друг с другом людей.

Вот что написал один человек об обстановке в большом убежище: «В одном месте сидели тысячи человек, которые не были друзьями или коллегами. Они буквально ночи напролет жили в странном сумеречном городе, населенном людьми, не знающими друг друга. Поначалу там не

было ни правил, ни наград, ни наказаний, ни иерархии, ни власти. Но вскоре начали возникать “законы”, насажденные не полицией или надзирателями (которые оказались беспомощны перед лицом такой толпы), но самими обитателями убежища».

Восемь миллионов мужчин, женщин и детей в Лондоне пережили такую воздушную бомбардировку, с которой даже солдаты редко сталкиваются. Часто тяжело раненным давали морфия и оставляли умирать среди руин, пока команды спасателей шли к тем, кого еще можно было спасти.

«Темп бомбардировки был так стремителен, – вспоминала одна женщина, – что, казалось, звучал огромный оркестр барабанщиков, марширующий по городу».

Один завод (пищевая промышленность) попал под бомбежку, и мертвых выносили оттуда, покрытых мармеладом.

На разрушенной швейной фабрике погибших находили утыканными иглами.

В одно из подземных убежищ попала бомба, и в нем мгновенно погибло 600 человек.

В другом бомба пробила водопровод, и больше сотни человек захлебнулись, когда убежище в считанные минуты заполнилось водой.

Ужас длился и длился, люди гибли в своих домах и дворах за самыми повседневными делами. Однако этот опыт не только не вызвал массовой истерии, он даже не стал причиной увеличения числа случаев индивидуального психоза. До войны Англии предвещали до 4 млн. психических пациентов, но в ходе бомбежек психиатрические больницы по всей стране отметили снижение числа госпитализаций. Служба скорой помощи в Лондоне фиксировала в среднем два случая «бомбардировочного невроза» в неделю. Психиатры в замешательстве смотрели, как в период интенсивных воздушных налетов у их постоянных пациентов проходили симптомы нервных расстройств. Добровольные обращения в психиатрические отделения заметно сократились, даже у эпилептиков отмечалось снижение числа припадков.

«Хронические невротики мирного времени теперь водят кареты скорой помощи», – заметил один из врачей. Другой предположил, что некоторым людям на самом деле стало лучше во время войны.

Позитивное влияние войны на психическое здоровье впервые заметил великий социолог Эмиль Дюркгейм, который обнаружил, что, когда европейские страны вступали в войну, число самоубийств сокращалось. Психиатрические отделения в Париже были до странности пусты во время обеих мировых войн, даже когда немецкая армия ворвалась в город в 1940 году.

Исследователи отметили похожий феномен во время гражданских войн в Испании, Алжире, Ливане и Северной Ирландии. Ирландский психолог Г. А. Лайонс обнаружил, что в Белфасте вдвое уменьшилось число самоубийств в период бунтов 1969 и 1970 годов, а также сократилось число тяжких преступлений. У людей резко понизился уровень депрессии, причем сильнее всего это проявилось среди мужчин из самых неблагополучных районов. Однако в графстве Дерри, где жители до того практически вовсе не проявляли жестокости, произошел рост, а не спад депрессии среди мужчин. Лайонс предположил, что мужчины в мирных районах испытывали депрессию, поскольку не могли помочь обществу своим участием в борьбе.

«Людам кажется, что их жизнь наполняется смыслом, когда они активно вовлечены в процесс... и в результате улучшается их психическое здоровье, – писал Лайонс в 1979 году. – Было бы безответственно предлагать насилие как способ наладить психическое здоровье, но выводы, сделанные в Белфасте, предполагают, что психологическое самочувствие людей улучшается, когда они активно участвуют в жизни своего сообщества».

Регулярность воздушных налетов на Лондон, похоже, сама по себе стала странным утешением для горожан, и громкие залпы противоздушных батарей, сколь бы неэффективными они ни были, помогали лондонцам не чувствовать себя совсем уязвимыми. Объемы употребляемого в городе пива едва ли изменились, то же можно сказать о посещаемости церквей. Однако люди искали утешения в суевериях и магии, носили с собой талисманы и по какой-то причине отказывались надевать зеленое.

Одна женщина считала, что немцы целятся непосредственно в нее, и выходила на улицу только в оживленные часы, когда былолюдно. Другой мужчина отыскал свой табельный пистолет времен Первой мировой войны и попытался научить жену убивать им немцев. Считается, что мужчины начали больше курить. Женщины же чаще

впадали в депрессию – хотя, по статистике, они реже предпринимали попытки суицида.

В марте 1941 года, вероятно пытаясь ближе познакомить людей с врагом, британские власти поместили немецкий пикирующий бомбардировщик «Юнкерс-88» в одном из самых пострадавших районов Плимута. Самолет стоял там без охраны, без объяснений, жители рассматривали его, а наблюдатели потихоньку делали заметки.

«Люди, в общем, испытывали умеренное удовольствие, интерес и облегчение, – отметил один из исследователей. – Мужчин больше интересовал материал, мотор, тонкая работа, все это удостаивалось подробной похвалы. Женщины особенно отмечали размер самолета. Очевидно, некоторым вражеский бомбардировщик представлялся чем-то далеким, искоркой в небе, а реальный объект как-то успокаивал, выглядел почти дружелюбным».

Реакция тысяч граждан на военный стресс была детально зафиксирована в ходе мероприятия под названием «Массовое наблюдение». Волонтеры наблюдали за согражданами «как за птицами». Некоторые ежедневно записывали все, что видели и слышали, другим велели вести дневник и заполнять анкеты о своих переживаниях и чувствах.

Проект подтвердил – воздушные налеты не смогли спровоцировать ту массовую истерию, которую предсказывало правительство.

По иронии, эта новость оказалась не очень хорошей, когда война повернула вспять и союзные войска прибегли к той же стратегии массированных налетов уже на немецкие города.

Бомбежки Англии, какими бы ужасными они ни были, бледнеют в сравнении с тем, что сделали страны антигитлеровской коалиции. За одну ночь в Дрездене погибло больше людей, чем в Лондоне за все время войны. Огненные бури поглощали целые районы и сжигали столько кислорода, что люди, не тронутые взрывами, погибали от удушья. Целая треть населения Германии подверглась бомбардировке, около миллиона людей погибли или были ранены.

Американские аналитики мониторили эффект бомбардировки, чтобы узнать, не даст ли слабину немецкая решительность. К своему

удивлению, они увидели ровно противоположное – чем яростнее бомбили союзники, тем непокорнее становилось немецкое население.

Промышленность в Германии только выросла во время войны. А сильнее всего духом были те города, которые, как Дрезден, больше всех подверглись бомбардировкам. Согласно наблюдениям немецких психологов, которые после войны сравнивали свои записи с материалами американских коллег, именно в нетронутых войной городах сильнее всего пострадал дух мирного населения. Тридцать лет спустя Г. А. Лайонс задокументировал почти тот же феномен в Белфасте, раздираемом бунтами.

Для оценки эффективности массированных бомбардировок, а также своей стратегии в целом США направили наблюдателей в Англию. Один из них, Чарльз Фриц, стал открыто критиковать логическое обоснование бомбардировочной тактики. Заинтригованный тем фактом, что и в Англии, и в Германии непокорность гражданских выросла в ответ на воздушные налеты, Фриц провел более общее исследование того, как сообщества реагируют на бедствия. После войны он обратил внимание на стихийные бедствия в Соединенных Штатах и сформулировал обширную теорию общественной стабильности. Исследователь не смог найти ни одного случая, когда сообщества, пережившие катастрофические события, надолго предалились панике. Наоборот, он обнаружил, что во время бедствий социальные связи только крепли и люди всю свою энергию тратили на благо общества, а не только ради своей выгоды.

В 1961 году Фриц собрал свои идеи в длинную статью, которая открывалась поразительным предложением: «Почему масштабные бедствия так благоприятно влияют на психическое здоровье?»

Данные для нее собирала команда из двадцати пяти человек, которые работали в центре изучения общественного мнения на базе Чикагского университета. Их работа заключалась в том, чтобы спешить на места происшествий и спрашивать жителей о том, как они подстраиваются под новые обстоятельства.

К 1959 году исследователи составили примерно 9 тыс. интервью с выжившими. Фриц также тщательно изучил академические публикации обо всем, что было связано с естественными или техногенными катастрофами. Его исследование проводилось на пике холодной войны, когда ядерная угроза постоянно тревожила умы стратегов гражданской

обороны. В статье, однако, не рассматривался вопрос, смогут ли Соединенные Штаты функционировать после обмена залпами ядерных ракет с СССР.

По теории Фрица, современное общество существенно подорвало социальные связи, которые всегда характеризовали человеческую жизнь, а катастрофы возвращают людям более древний, естественный стиль жизни. Он сделал вывод, что бедствия создают «сообщество пострадавших», которое с живительной силой связывает людей воедино.

Когда люди объединяются в ответ на угрозу, классовые различия временно стираются, различия в доходах становятся несущественными, на расу смотрят сквозь пальцы, а индивидов оценивают просто по тому, что они хотят сделать для группы.

Эта скоротечная социальная утопия, по ощущениям Фрица, нравится среднему человеку, она целебна для людей, страдающих от психических болезней.

Выводы Фрица позднее были подтверждены в городе Юнгай в центре Чили, который 31 мая 1970 года поразили разрушительное землетрясение и оползень. Девять десятых жителей Юнгайа погибли практически мгновенно, а во всем регионе катастрофа унесла жизни 70 тыс. человек. Столько же могло погибнуть там вследствие ядерного удара. Оползень, который похоронил под собой город, поднял в воздух столько пыли, что вертолеты не могли приземлиться, так что выжившие в Юнгае на много дней остались без помощи извне.

В этой ужасающей реальности быстро вырос новый общественный порядок. «Идеи о частной собственности на время померкли, – позже написал в своей статье «Братство боли» антрополог Энтони Смит. – Кризис моментально повысил статус зарождающегося сообщества выживших, которое сам же и сотворил. Чувство братства преобладало, когда белые, индейцы и метисы, принадлежащие к разным классам, сообща добывали все самое необходимое, чтобы выжить».

Как только самолеты начали доставлять гуманитарную помощь в регион, классовое разделение вернулось и чувство братства исчезло. Современный мир был восстановлен.

«Сообщество пострадавших», «братство боли» – эти словосочетания очень точно характеризуют жизнь наших предков. Вероятно, они трудились менее интенсивно, чем члены современного общества, как и племя кунгов, но уровень смертности у них был гораздо выше. Сплоченные группы могли гораздо эффективнее охотиться и обороняться, а группы, которым не удавалось работать сообща, постепенно вымирали. Приспособительное поведение поддерживается на гормональном, эмоциональном и культурном уровнях, и все эти типы адаптации проявляются у людей, которые помогают другим.

Люди так сильно запрограммированы помогать друг другу и получать от этого невероятные социальные преимущества, что они регулярно идут на смертельный риск ради абсолютных незнакомцев. При этом мужчины и женщины рискуют по-разному. Мужчины часто приходят на помощь случайным людям, а дети, пожилые и женщины принимают эту помощь. Детям помогают вне зависимости от пола, как и пожилым. Однако незнакомцы вдвое чаще помогают женщинам репродуктивного возраста, чем мужчинам. Мужчинам в среднем нужно дожить до семидесяти пяти лет, чтобы им начали помогать в таких опасных ситуациях, из которых женщин выручают всю жизнь. Учитывая высокую ценность женского воспроизводства в любом обществе, рисковать жизнью мужчин, чтобы спасти женщин, – это действительно оправданный шаг с точки зрения эволюции.

Согласно исследованию, 90 процентов прохожих мужчин спонтанно бросаются на помощь незнакомцам и приблизительно один из пяти при этом погибает. (Героями обычно считаются те, кто рискует жизнью, чтобы спасти от смерти человека, который не приходится им родственником. Уровень смертности в таких случаях выше, чем в большинстве боевых подразделений США.) Исследователи считают, что мужчины склонны приходить на выручку чужакам из-за физически развитого торса и такой мужской черты характера, как «импульсивная жажда острых ощущений».

Но женщины чаще, чем мужчины, проявляют так называемую моральную храбрость. Существует премия «Всенародные праведники», которая присуждается нееврейскому населению, спасавшему евреев во времена холокоста. Она по своей природе вручается людям, которые четко разделяют добро и зло с точки зрения морали. В Польше,

Нидерландах и Франции содействие евреям, скрывавшимся от немецких властей, считалось преступлением, которое каралось смертью. И пусть этот поступок не требовал мужской мускульной силы, он также был смертельно опасным.

В записях «Всенародных праведников» числится более 20 тыс. имен. Их анализ выявил, что женщины несколько чаще, чем мужчины, рисковали жизнью ради спасения евреев. Вероятно, у женщин сильнее развито чувство сопереживания эмоциональному состоянию другого человека. Благодаря этому у них формируются определенные взгляды на мораль и социальные проблемы, вряд ли заботящие мужчин. Женщины склонны поступать героически в своей моральной вселенной, невзирая на то, что никто об этом не узнает. Они, например, чаще становятся донорами почек для не родственников, чем мужчины. Однако мужчины более склонны спонтанно рисковать своей жизнью, и эта реакция особенно сильна, когда на них кто-то смотрит или когда они являются частью группы.

В конце 2015 года автобус в Кении был остановлен вооруженными людьми из экстремистской группировки «Аш-Шабааб», которая убивала христиан в рамках террористической кампании против прозападного кенийского правительства. Бандиты потребовали, чтобы мусульмане и христиане из числа пассажиров разделились на две группы. Но мусульмане, в большинстве своем женщины, отказались повиноваться. Они сказали, что, если понадобится, умрут все вместе, но не отдадут христиан на расправу. В конце концов террористы всех отпустили.

Человеческой расе особенно хорошо подходит разделение рискованности по полу. Мы продолжаем жить в физическом мире, который постоянно угрожает нам, но для сохранения целостности нашего общества мы также полагаемся на мораль и чувство социальной справедливости.

Сплоченные сообщества гораздо лучше выживают, чем разобщенные.

Женщина прячет у себя чужую семью, потому что не хочет растить детей в мире, где людей могут убивать из-за их расы или верований. Она сильно рискует, но следует морали, скреплявшей сообщества тысячи лет. Мужчина, врываясь в горящее здание, чтобы спасти чужого

ребенка, совершает такой же альтруистический выбор со всеми сопутствующими рисками и страхами.

И то и другое – акты абсолютного бескорыстия, отличающего нас от прочих млекопитающих. В том числе от высших приматов, приходящихся нам близкими родственниками.

Красота и трагедия современного мира заключаются в том, что из него исчезло множество ситуаций, в которых людям требуется совершать поступки ради общего блага. Защищенному полицией и пожарными бригадами, избавленному от большинства испытаний городскому мужчине, скорее всего, ни разу в жизни не потребуются кого-нибудь выручить. Да хотя бы просто поделиться с кем-то обедом. Так же и женщина, живущая в обществе, где моральный кодекс сведен к системе прав и обязанностей, может ни разу не сделать выбор, который поставит под угрозу ее собственную жизнь.

Вероятно, вот самый серьезный вопрос для человека: ради чего и кого вы рискнете своей жизнью? Подавляющему большинству людей в современном обществе, может быть, даже не придется отвечать на этот вопрос. Это и невероятное благо, и серьезная потеря. Это потеря, поскольку на протяжении десятков тысяч лет ответ на него делал из нас людей. И это благо, потому что наша жизнь стала безопаснее, чем была всего сотню лет назад.

Деление человеческой храбрости на мужскую и женскую так необходимо для выживания общества в критической ситуации, что даже в однополых группах присутствует эта двойственность.

Например, добыча угля – это почти исключительно мужское занятие, за которое чаще берется необразованное рабочее население. Катастрофы здесь случаются с печальной регулярностью, бригады шахтеров часто оказываются погребенными на страшной глубине на дни и недели. Эти чрезвычайные происшествия позволили социологам изучить то, как мужчины реагируют на опасность и как организуются, чтобы максимально повысить свои шансы на выживание.

Вечером 23 октября 1958 года в одной из шахт Новой Шотландии произошло то, что шахтеры называют «горным ударом», – внезапное сжатие слоя осадочных пород глубоко под землей, которое проходит с силой взрывной волны. Эта шахта была одной из самых глубоких в

мире, и «удар» был так силен, что его почувствовали даже на расстоянии 800 миль. В момент, когда осела порода и обрушились проходы, в шахте было 172 человека. Погибли сразу 74. Из тех, кто выжил, 79 смогли проложить себе путь к свободе. Еще 19 застряли в глубине шахты, некоторые из них были тяжело ранены, а двоих завалило обломками.

У них почти не было еды и воды, заряда батарей в фонарях хватило всего на несколько дней. В одной зоне находилась группа из шести шахтеров, в другой – из двенадцати, в третьем месте один шахтер лежал, частично засыпанный обломками. Группы никак не могли контактировать между собой и с внешним миром. После «удара» незанятые шахтеры и спасатели начали стекаться к шахте. На спасателях были противогазы и дыхательные аппараты, которые позволяли им выжить там, где метан и углекислый газ сочились из слоев шахты. Остальные могли работать быстрее, но только в зонах, где нет газа.

Спасатели начали прокапывать путь через обрушившиеся проходы, работая в ужасной тесноте. Рукояти кирок пришлось обрезать, чтобы ими можно было размахнуться. В таких условиях даже силач мог махать киркой не дольше трех-четырех минут, так что работали группами по четверо и продолжали сменять друг друга, чтобы «кирка не знала отдыха». Через несколько дней они начали копать рядом с раздавленными телами мертвых шахтеров. Обнаружить в тесноте прохода разлагающееся тело было по-настоящему невыносимо, почти всех рвало в такие моменты. Часто спасатели откапывали трупы своих знакомых. Некоторые не смогли справиться с психологической травмой и попросили освободить их от работы, другие преодолели себя и продолжили копать.

Никто не стыдил тех, кто ушел, а тех, кто смог работать, невероятно уважали.

«Каждый шахтер, попавший в западню, знает, что по их кодексу он не оказался бы погребен заживо, если бы товарищам было под силу добраться до него», – написано в исследовании под названием «Индивидуальное и групповое поведение во время катастрофы в угольной шахте». При этом кодекс не был достаточно жестким, чтобы порицать тех, кто не справился с ролью спасателя.

В это время на страшной глубине девятнадцать человек сидели в кромешной тьме, пытаясь понять, что им делать. В одной из групп был человек, чья рука была зажата между двумя балками, и он прекрасно слышал, как другие решают, стоит ли ее ампутировать. Мужчина умолял их сделать это, но они не стали, и в итоге он умер. У обеих групп закончились запасы еды и воды, и они начали пить собственную мочу, пытаясь маскировать вкус угольной пылью или корой с деревянных балок.

Есть так хотелось, что кто-то пытался жевать куски угля. Среди них установился негласный запрет на слезы, хотя некоторые мужчины позволили себе тихо всплакнуть после того, как лампы перегорели. Старались не думать о своих семьях. В основном они размышляли на нейтральные темы, например об охоте. Один человек заикнулся на том, что задолжал 1,40 доллара за деталь для машины, и надеялся, что жена расплатится за нее после его смерти.

Почти немедленно в группах выявились лидеры. Пока еще был свет, они обыскивали проходы, искали выход и пытались раскопать завалы, преграждающие путь. Когда закончилась вода, один из лидеров отправился на поиски и разыскал драгоценный галлон воды, который раздал остальным. Им также удалось уговорить товарищей по несчастью пить мочу или жевать уголь.

Канадские психологи, побеседовавшие с шахтерами после спасения, определили, что первые лидеры не слишком хорошо умели сопереживать. Они объединялись только с парой мужчин из группы, и их физические способности намного превосходили речевые. Но все эти качества позволили им принять быстрые спасительные решения, которые другим были бы не под силу.

Когда попытка выбраться провалилась, то появились лидеры других типов. Теперь в «период выживания» критически важно было уметь ждать в полной темноте, не оставляя надежды и не поддаваясь панике. Исследователи определили, что лидеры в тот период полностью сосредоточились на моральном духе группы и действовали совсем иначе, чем те, кто пытался выбраться. Они были крайне чувствительны к настроениям людей, думали о нуждах группы, подбадривали тех, кто начал впадать в отчаяние, и очень старались, чтобы вся группа их поддержала.

Мужчины, которые были лидерами в начальный период времени, потом практически бездействовали. Казалось, что никто не может играть сразу обе роли, схожие с ролями мужчины и женщины в смешанном обществе во время катастроф. В них отражена двойственность, которая стирается простотой и спокойствием современной жизни и тут же проявляется, стоит случиться беде.

Если женщины отсутствуют и не могут стать сопереживающими лидерами, необходимыми каждой группе, то их заменяют мужчины. Если мужчин нет или они не могут действовать в чрезвычайной ситуации, вперед выйдет женщина.

В какой-то степени пол – величина переменная и взаимозаменяемая, но это не касается гендерных ролей. Для здорового функционирования общества нужно и то и другое, и эти роли будут исполняться вне зависимости от того, могут ли их играть представители обоих полов.

Обычно сплоченность, которая возникает в обществе во время катастроф, со временем исчезает, но порой эффект длится годы или даже десятилетия. Британские историки считают, что тяготы войны и связанное с ними сплочение общества привели к единодушному голосованию за лейбористов в 1945 году. В результате Соединенное Королевство приобрело систему государственного здравоохранения и другие виды социальной защиты. До войны Англия много лет прозябала в нищете, но этот совокупный опыт так объединил общество, что благосостояние людей стало цениться выше деловых интересов.

Эта эра длилась, пока военное поколение не стало угасать, а пост премьер-министра в 1979 году не заняла Маргарет Тэтчер. «В каждом бедствии мы вновь обнаруживаем человечность и возвращаем себе свободу, – написал один социолог о реакции Англии на войну. – Мы заново учим старые истины о связи между счастьем, бескорыстием и простотой жизни».

Кажется, что катастрофы иногда в считанные минуты поворачивают вспять десятки тысяч лет социальной эволюции. Групповая выгода вытесняет личный интерес, потому что без группы выжить нельзя, и это создает социальную связь, по которой страшно скучают многие люди.

Через двадцать лет после осады Сараево я вернулся туда и обнаружил, что люди сильно скучают по тем дням.

Точнее, они скучают по тому, кем были тогда. Таксист, который вез меня из аэропорта, сказал, что во время войны служил в спецотряде, который просочился через вражеский рубеж, чтобы помочь другим осажденным анклавам. «А теперь посмотри на меня», – сказал он, пренебрежительно махнув рукой на приборную панель. Одно дело – когда бывший солдат скучает по ясности и святости своего военного долга, но мирные жители – это совсем другое.

«Что бы я ни говорила о войне, я все равно ее ненавижу, – уточнила выжившая Ниджара Ахметашевич, после того как ответила на мои вопросы о ностальгии ее поколения. – Я скучаю по некоторым вещам из военного времени. Но я также уверена, что наш нынешний мир болен, если кто-то в нем скучает по войне. А многие именно что скучают».

Ахметашевич теперь известная боснийская журналистка, посвятившая жизнь расследованию военных преступлений. Ей было восемнадцать, когда разразилась война, ее ранило шрапнелью от артиллерийского снаряда, попавшего в квартиру. Она оказалась в больнице и перенесла восстановительную операцию на серьезно поврежденной ноге без анестезии. «Тебя держат, а ты кричишь, – сказала Ниджара, когда я спросил ее о боли. – Это помогает».

Больницу наводнили раненые – они лежали в туалетах, коридорах, проходах, у персонала не было времени даже на то, чтобы сменить окровавленные простыни, когда кто-то умирал. Медики и санитары просто грузили на кровать следующего и продолжали работать. В первую ночь рядом с Ниджарой умерла пожилая женщина и, видимо, в агонии каким-то образом перекатилась на нее. Ахметашевич проснулась и обнаружила, что на ней лежит женщина – первый из множества трупов, которые она видела во время войны.

Через две недели Ниджару наконец-то отправили на костылях домой к родителям, и она снова зажила нормальной для военного времени жизнью. Люди из пяти многоквартирных домов в ее квартале собрались в огромный кооператив, который делил между собой еду, печи и кров. Вокруг зданий разбили огороды, и все ели то, что выращивали. Воду каждый собирал из водостоков на крышах или из колонок в городе, но практически всем остальным делились.

Ахметашевич помнит, как на восемнадцатый день рождения одна из соседок подарила ей яйцо. Она не придумала, как разделить его с друзьями, поэтому решила положить его в блины, чтобы все угостились.

Подвал одного из зданий был достаточно глубоким, чтобы служить бомбоубежищем, и подростки со всей округи жили там в подобии коммуны, которая была практически независима от взрослых, живших наверху. Мальчики уходили воевать на передний рубеж на десять дней кряду, а потом возвращались, чтобы присоединиться к девочкам, которые постоянно жили в коммуне. Все вместе спали на матрасах на полу, вместе ели, влюблялись и расставались, слушали музыку, болтали о литературе и... шутили о войне.

«Мальчики были нам как братья, – рассказала Ниджара. – И мы, девочки, не дожидались их, утирая слезы... нет, мы веселились. Честно сказать, это даже раскрепощало. Наша любовь была невероятна. Они возвращались с фронта, большинство из них были музыкантами, и они устраивали для нас маленькие концерты. Мы не верили в героев. Мы были панк-рокерами. Нашим главным героем был Дэвид Боуи».

Через шесть месяцев осады родителям Ахметашевич удалось эвакуировать ее в Италию. Они не были уверены в том, что она здесь выживет. Девушка сильно похудела после операции, но так и не смогла восстановить вес. Хотя в Италии она была в безопасности и наконец-то начала выздоравливать, ее одиночество было невыносимым. Ниджара волновалась, что если война никогда не закончится и все погибнут, то она останется одна-одинешенька. В конце концов она решила вернуться обратно в Сараево. Почти никто больше не делал этого. С точки зрения бюрократии это было даже сложнее, чем выбраться из осажденного города, но с помощью матери у нее все получилось. Она прилетела в разбомбленный аэропорт, обложенный мешками с песком, и нашла попутку в город, назад к своей семье.

«Я скучала по человеческой близости, я скучала по тому, как они меня любили. В Боснии сейчас мы больше не доверяем друг другу, мы стали очень плохими людьми. Мы не усвоили урок войны о том, как важно делиться всем, что у тебя есть, с человеческими созданиями рядом с тобой. Можно попросту сказать, что война превращает тебя в зверя. Мы были как звери. Это безумие, но таков основной

человеческий инстинкт – помогать человеку, который сидит, стоит или лежит рядом».

Я спросил Ниджару, были ли люди намного счастливее во время войны.

«Счастливее некуда, – ответила девушка. Затем добавила: – И мы чаще смеялись».

Я просыпаюсь в горькой безопасности

До теракта 11 сентября оставался год. Я только что вернулся из Афганистана, где провел два месяца с Ахмадом Масудом, лидером Северного альянса, и впервые осознал, что у меня проблемы, на станции нью-йоркского метро.

Я не оценил то, как этот опыт повлияет на меня психологически, и был совершенно не готов к последствиям. Масуд отчаянно сражался за открытие маршрутов для поставок гуманитарной помощи по реке Амударья до начала зимы, но его блокировали группировки талибов на высоте, с которой было видно таджикскую границу. В окопах сидели сотни боевиков Талибана, вооруженные танками, артиллерией и подкрепленные несколькими «МиГами». Печально известная бригада командос «Аль-Каиды» тоже была там, как и добровольцы из Узбекистана и Чечни.

Людей у Масуда было в три раза меньше, чем у противника, не хватало абсолютно всего, от танковых снарядов до продовольствия. В какой-то момент мы с попутчиками добрались до позиции на фронте, которая только что была отвоевана у талибов. С их стороны ожидалась неизбежная контратака. Мы скрючились в узких траншеях и слушали, как ракеты со свистом проносятся и взрываются, ударяясь о плотную глинистую почву. Еще у Северного альянса не было артиллерии, так что нам оставалось только сидеть смирно и ждать, когда у талибов кончатся снаряды. В конце концов нам удалось оттуда выбраться, хотя мы потеряли под обстрелом одну из вьючных лошадей. Много дней после этого в моей душе царил смятение, как будто я пережил конец света.

Однако к возвращению домой я уже перестал думать об этом и обо всех других ужасах, которые мы видели. О жертвах пехотного штурма на минном поле, о голодающих мирных жителях, о реактивных «МиГах», которые кружили над нами, ища, куда бы сбросить бомбы...

Я мысленно похоронил все это в глубинах памяти, но однажды вошел в метро в час пик, чтобы сесть на поезд до центра. И вдруг обнаружил, что прячусь за железной балкой, уверенный, что сейчас умру.

Почему-то все казалось мне угрожающим: толпа на платформе, огромная скорость поездов, ослепительный свет, оглушительный шум. Я не мог объяснить, что случилось, но мне было страшнее, чем в Афганистане.

Я прижимался к балке сколько мог, а потом не выдержал, бегом помчался к выходу и отправился домой пешком. Страна тогда еще не воевала, и я понятия не имел, что мое переживание как-то связано с войной, просто думалось, что схожу с ума. Еще несколько месяцев после этого я постоянно переживал приступы паники в тесных пространствах с большим скоплением народа: в самолетах, фуникулерах, барах. Потом это прошло, и я не вспоминал об этом два или три года, пока не заговорил на семейном пикнике с женщиной, которая оказалась психотерапевтом. Соединенные Штаты только что вторглись в Ирак, и, наверное, это побудило ее спросить меня, не травмировали ли меня войны, о которых я писал. Я сказал, что нет, но меня мучают приступы паники в людных местах. Она кивнула: «Это называется посттравматическим стрессовым расстройством – ПТСР. Вы еще немало о нем услышите в ближайшие годы».

У меня был классический случай кратковременного ПТСР. С точки зрения эволюции это именно та реакция, которая необходима в случае опасности. Она заставляет быть бдительным, избегать ситуаций, которые нельзя контролировать, реагировать на странный шум, чутко спать и легко просыпаться, переживать неприятные воспоминания и ночные кошмары, которые указывают на наличие различных угроз. Нужно быть то злым, то подавленным. Злость готовит вас к драке, а депрессия снижает вашу активность, чтобы вы не подвергали свою жизнь лишней опасности. Это состояние постоянно напоминает, что опасность не за горами. Один исследователь назвал его «высокоэффективным механизмом, моментально обучающим выживанию». Так реагируют на травму все люди и большинство млекопитающих. Это неприятно, но лучше уж так, чем умереть.

Так же как депрессия и скорбь, ПТСР может обостряться из-за косвенных факторов, но затем постепенно утихает. Мои приступы паники со временем стали легче и в конце концов прекратились, хотя их сменила странная эмоциональность. Я обнаружил, что могу прослезиться из-за вещей, которые раньше просто вызвали бы у меня улыбку или вовсе остались бы незамеченными.

Однажды я так расчувствовался, глядя на пожилую работницу почты, что мне пришлось выйти и потом вернуться снова, чтобы отправить письмо. Так случилось и по ночам. Виделись странные сны о войне, не страшные, но вызывающие горькую печаль. Они заставляли меня просыпаться и просто лежать в темноте. Накатывали какие-то чужие чувства. Я не был солдатом, хотя немало времени провел с ними, и тогда мне еще не доводилось терять в бою близких друзей. И все же, засыпая, я как будто подключался к масштабному человеческому опыту, который разбивал мне сердце.

Моя подруга Джоанна была намного старше меня и сильно беспокоилась из-за состояния моей психики после войн. Джоанна умерла вскоре после моего возвращения с одного особенно долгого задания за рубежом, и я почти никак не отреагировал на эту новость, пока не заговорил с ее племянником о ее путешествиях в 1960-е годы. Она занималась регистрацией чернокожих избирателей на Юге. Людей за это убивали, и каждый раз Джоанна не знала, вернется ли она живой из поездки. После того как я целый год освещал боевые действия, что-то в ее желании умереть за других ради сохранения человеческого достоинства совершенно выбило меня из колеи. Так же на меня влияли рассказы о солдатах. Хотя мне совершенно не свойственно чувство патриотизма, рассказы про их отвагу трогали меня до глубины души.

Но истории о человеческой заботе, если их хорошо рассказать, тоже бьют прямо в сердце.

Эллис, муж Джоанны, был частично индейцем лакота, частично апачем, и родился он в фургоне как раз перед Великой депрессией. Он женился на Джоанне, когда ей было шестнадцать, а ему двадцать пять. Учась в колледже, я навещал их по выходным. Джоанна давала мне работу на участке, где я трудился до темноты, а потом мы все вместе ужинали. После ужина мы с Эллисом уходили в гостиную, чтобы поговорить. Он курил легкие сигареты и пил холодный кофе, рассказывая мне о мире, а я в основном сидел и слушал. Эллис как будто умел подключаться к древнему человеческому знанию, которое распространялось куда дальше его странной уединенной жизни в Коннектикуте, где мы познакомились.

Одна из его любимых историй произошла во время какой-то бессмысленной войны между англичанами и французами. Однажды

кто-то хотел отдать английским военным кораблям приказ разрушить маяк на берегу Франции, чтобы воспрепятствовать судоходству и навигации. «Ваше величество, мы воюем с французами, а не со всем человечеством», – напомнил королю английский адмирал.

Если бы войны были абсолютно вредоносными во всех своих аспектах, вероятно, они не велись бы так часто.

Но война не только рушит и убивает, она также будит в людях такие древние добродетели, как храбрость, преданность и бескорыстие, которые могут пьянить.

История Эллиса впечатляет, потому что показывает, как война не только унижает достоинство человека, но и облагораживает его. Народ ирокезов, вероятно, понимал преображающую силу войны, когда придумывал параллельные способы управления племенами в зависимости от того, была ли в данный момент война или царил мир.

Лидерами мирного времени, которые назывались сачемами, часто избирались женщины, и они имели полную власть в гражданских делах племени, пока не начиналась война. Тогда власть получали военные лидеры, которых заботило лишь физическое выживание племени. Их не беспокоили справедливость, гармония или честность, им нужно было лишь победить врага. Если враг пытался, однако, договориться о том, чтобы положить конец вражде, окончательное решение принимали сачемы, а не военные лидеры. Если предложение одобряли, вояки оставляли власть и вновь уступали лидерство в племени сачемам.

Система ирокезов показывает, что у общества должны быть радикально разные приоритеты в мирное и военное время. Но поскольку современная армия часто воюет вдали от гражданского населения, солдаты остаются единственными людьми, которым приходится переключаться между миром и войной. Зигфрид Сассун, раненный во время Первой мировой войны, написал стихотворение под названием «Больничнѣй», которое идеально описывает мучительную отчужденность, которую многие солдаты испытывают дома:

Я просыпаюсь дома
В горькой безопасности, без друзей.
И пока дождь режет рассвет —

Я думаю о батальоне в грязи.

Реакцию ветеранов, которые признаются, что скучают по войне, можно считать здоровой, если учитывать сильную разобщенность современного общества.

Воинам ирокезов не приходилось сталкиваться с такой отчужденностью, поскольку война шла близко к мирному обществу и между ними, в сущности, не было никакого перехода. Вдобавок поражение означало, что страшное насилие может обрушиться на всех, кого они любят. В таком контексте смертный бой был совершенно сознательным выбором, как с эволюционной, так и с эмоциональной точки зрения. Конечно, некоторые воины ирокезов были ранены во время сражений, которые по большей части представляли собой ближний бой дубинами и топорами. Но им не приходилось оставаться со своими ранами наедине. Все общество переживало за их военные увечья, это был коллективный опыт, и поэтому он давался легче.

Наверное, для нашей эволюции было чрезвычайно важно быстро оправляться от психологической травмы, и индивиды, которые легко переживали шок и продолжали драться, наверняка выживали с большей вероятностью.

Исследование в Бурунди в 2011 году уличных детей выявило, что самый низкий уровень ПТСР наблюдается у самых агрессивных и жестоких подростков. Похоже, что агрессия защищала их от последствий пережитой травмы. Поскольку восстановление сильно подвержено влиянию социальных факторов, то оно, вероятно, имело очень высокую ценность для выживания в нашем эволюционном прошлом. Здоровье общества можно оценивать по тому, как быстро психологически восстанавливаются воины после пережитого в бою.

Почти все, кто подвергся травме, каким-то образом кратковременно реагируют на нее. Это называется острым ПТСР. Такая реакция у млекопитающих явно развилась благодаря эволюции, она побуждает их реагировать на опасность и прятаться в укромном месте, пока та не минует. Долговременное ПТСР может длиться годы или даже всю жизнь, явно не поддается адаптации и встречается сравнительно редко. Многие исследования показали, что среди всего населения максимум четверть после травмы приобретают долговременное ПТСР.

Вместо того чтобы приспособиться, эти люди теряют способность вести повседневную жизнь.

Взять для примера изнасилование – одну из самых психологически угнетающих вещей, которая может случиться с человеком. Оно гораздо травматичнее, чем большинство военных переживаний. Согласно исследованию, проведенному в 1992 году, почти все жертвы изнасилования сразу после случившегося страдали от тяжелой травмы. Однако у почти половины из них симптомы травмы стали меньше проявляться в течение нескольких недель или месяцев после происшествия.

Солдаты, которые участвовали в недавних американских войнах, восстанавливались куда медленнее, чем жертвы изнасилования.

Одна из причин, как ни парадоксально, в том, что военная травма переплетена с другим, позитивным опытом, который сложно отделить от плохого. «Лечить военных ветеранов вовсе не то же, что лечить жертв изнасилования, потому что вторым не дорого ничего из пережитого», – сказала мне доктор Рейчел Иегуда, директор по исследованиям травматического стресса нью-йоркского госпиталя. Иегуда изучала ПТСР у множества людей, включая ветеранов войн и переживших холокост. «Большинство людей получают на войне и прекрасный, и ужасный опыт. Кто-то может считать, что это самое важное дело в его жизни, особенно потому, что люди попадают на войну очень молодыми и, возможно, впервые в этот момент освобождаются от социальных ограничений. Они будут скучать по траншеям в мире, полном правил этикета».

Если не брать в расчет социопатов, солдаты очень сильно страдают, когда видят, как другому человеку причиняют вред, даже если это враг. Антрополог Дэвид Марлоу, который впоследствии работал на Министерство обороны, провел опрос среди ветеранов войны. Они говорили, что убить вражеского солдата или даже наблюдать, как его убивают, было тяжелее, чем самому перенести ранение. Но худшим опытом была гибель друга. Это гораздо страшнее, чем самому оказаться в смертельной опасности, и часто это становится причиной психологического срыва на поле боя или позже в жизни.

И все же большинство солдат могут пережить очень многое, но не остаться травмированными на всю жизнь. Анализ, проведенный Институтом медицины и Государственным советом по исследованиям в 2007 году, показал, что шанс приобрести хроническое ПТСР во многом связан с опытом человека до войны. По статистике, у 20 процентов людей, которым не удастся преодолеть травму, уже имелись психологические проблемы, либо наследственные, либо вследствие жестокого обращения в детстве. Если вы воевали во Вьетнаме, а ваш брат – нет, но у него наблюдаются психические расстройства вроде шизофрении, то у вас больше шансов приобрести ПТСР.

Если вы перенесли смерть близкого человека или в детстве вас редко брали на руки, вероятность тревожного расстройства у вас в семь раз выше, а это расстройство может привести к ПТСР. Согласно исследованию 2000 года, если вы малообразованны, если вы женщина, если у вас низкий IQ, если с вами жестоко обращались в детстве – вы также в группе риска. Повышенный риск для женщин связан с тем, что у них с большей вероятностью развивается ПТСР после физического нападения. Эти факторы риска так же хорошо предсказывают ПТСР, как и сама тяжесть перенесенной травмы.

Самоубийства часто рассматривают как крайнее проявление ПТСР, но исследователи пока не нашли связи между суицидом и участием в войнах. Ветераны боевых действий, по статистике, убивают себя не чаще, чем те, кто никогда не оказывался под огнем. В целом чем больше времени проходит после травмы, тем менее вероятно, что самоубийство будет как-то связано с ней. Среди ветеранов помоложе распределение в Ирак или Афганистан на самом деле снижает риск суицида, поскольку солдат с очевидными психическими проблемами не отправляют в бой.

Еще сильнее сбивает с толку вербовка добровольцев, куда идет довольно много молодых людей, переживших сексуальное насилие. По одной из теорий, военная служба для них – легкий способ уйти из дома, поэтому армия привлекает большое число новобранцев из неблагополучных семей. Согласно исследованию, проведенному Американской медицинской ассоциацией, военнослужащие в два раза чаще сообщают о сексуальных нападениях в детстве, чем мужчины, которые никогда не служили. Сексуальное насилие – известная

предпосылка к депрессии и другим проблемам с психическим здоровьем. Это может быть отчасти связано с суицидами военных.

Похоже, убийство травмирует людей независимо от уровня опасности, в которой они оказались, или их уверенности в его справедливости. Пилоты дистанционных дронов, которые наблюдают на видео, как их ракеты убивают людей, испытывают тот же уровень ПТСР, что и пилоты в кабинах военных самолетов, когда бомбят объекты в горячих точках. Даже у регулярной пехоты опасность и травма необязательно будут связаны.

Во время четвертой арабо-израильской войны 1973 года в Израиль одновременно вторглись Египет и Сирия. Было установлено, что солдаты и офицеры тыловых подразделений израильской армии в три раза чаще страдали от психологических срывов, чем элитные части на передовой. Тыловики несли сравнительно небольшие потери, но уровень психических срывов в них был несравнимо выше.

Точно так же, когда проходила воздушная кампания войны в Заливе^[2], более 80 процентов психических расстройств в Седьмом корпусе армии США были зафиксированы во вспомогательных ротах, которые практически не подвергались обстрелу.

Такое расхождение может быть связано с тем, что интенсивная подготовка и опасность объединяют солдат, создают сильные эмоциональные связи внутри взвода, а высокая сплоченность снижает уровень психических срывов.

Пилоты США в период Второй мировой войны меньше всего страдали от психических расстройств, связанных с числом их раненых. То же можно сказать и об армиях других стран.

Спецотряды Шри-Ланки реже участвовали в сражениях, чем обычные войска, и в 2010 году было обнаружено, что в них меньше физических и умственных проблем. (Единственной психологической проблемой, по которой они опережали всех остальных, было употребление алкоголя в количестве, опасном для здоровья.)

А израильские командующие пережили в четыре раза больший уровень смертности своих людей на четвертой арабо-израильской войне, но среди них отмечалось лишь 20 процентов психологических срывов на поле боя.

Все это, однако, новый взгляд на боевую травму. В большей части американской истории психологические срывы солдат на поле боя, так

же как и недееспособность впоследствии, списывались на простую трусость.

Когда солдаты не могли подчиняться приказам из-за психологической травмы, их избивали, заключали под стражу или просто расстреливали в назидание другим.

Только после войны во Вьетнаме Американская психиатрическая ассоциация (АПА) причислила военную психологическую травму к официальным диагнозам. Десятки тысяч ветеранов страдали от «вьетнамского синдрома»: ночных кошмаров, бессонницы, зависимостей, паранойи, – и их страдания уже нельзя было списать на слабость характера. Конечно, эти проблемы также могли возникать у военных репортеров, полицейских, пожарных и всех, кто переживал стресс. В 1980 году АПА наконец-то включила посттравматическое стрессовое расстройство в третье издание «Диагностического и статистического справочника по умственным расстройствам».

Через тридцать пять лет после признания проблемы армия США имеет самый высокий зарегистрированный уровень ПТСР в мире. Американские солдаты, похоже, страдают от этого почти в два раза чаще, чем британцы, которые были с ними в бою. Соединенные Штаты в настоящее время тратят более 4 млрд. долларов в год на пособия по ПТСР, большинство из которых будут выплачиваться ветеранам всю жизнь.

Ужасный опыт, к сожалению, универсален для всех людей, но долгосрочная недееспособность – нет. Несмотря на миллиарды долларов, потраченных на лечение, почти половина ветеранов Ирака и Афганистана состоят на постоянном учете по недееспособности из-за ПТСР. Поскольку всего 10 процентов наших вооруженных сил участвуют в реальных сражениях, большинство ветеранов, заявляющих, что страдают от ПТСР, похоже, пострадали от чего-то помимо военной опасности.

Это не новый феномен. Десятилетие за десятилетием количество американцев, погибших в бою, уменьшалось, тогда как количество заявок на инвалидность возрастало. Их количество, по логике, должно сокращаться по мере снижения числа жертв и интенсивности боевых действий. Но этого не происходит. Показатели почти обратно пропорциональны друг другу.

Например, во Вьетнаме погибла всего лишь четверть от числа солдат, погибших во Второй мировой, но объемы компенсации по физической и психологической инвалидности выросли на 50 процентов. Есть искушение списать это на холодный прием, который ждал солдат дома, но дело, похоже, не в этом. Сегодняшние ветераны требуют в три раза больше пособий, чем ветераны Вьетнама, несмотря на теплый прием дома и количество жертв, которое, слава богу, составляет примерно треть от того, что было во Вьетнаме. Сегодня большая часть пособий выдается из-за потери слуха, тиннитуса^[3] и ПТСР – последние два могут быть вообразаемыми, преувеличенными или вовсе симулированными.

Часть этой проблемы связана с бюрократией. В попытке ускорить получение выплат в 2010 году Министерство по делам ветеранов (МДВ) заявило, что солдатам больше не нужно ссылаться на конкретный инцидент, перестрелку или взрыв бомбы у обочины, чтобы получить пособие по инвалидности. Они должны были просто заявить о «настоящем страхе попасть под атаку» во время развертывания войск.

Что касается программ социального обеспечения и других так называемых привилегий, такое расплывчатое определение, пусть и из добрых побуждений, порождает систему, не защищенную от ошибок и мошенничества. Оказалось, что ветеранам, которые сами обращаются к врачам с ПТСР, ошибочный диагноз ставится в половине случаев. Недавнее исследование генеральной инспекции министерства выявило, что чем выше у ветерана степень инвалидности по ПТСР, тем больше лечения он требует, пока его недееспособность не достигнет 100 процентов. После этого явка на лечение стремительно падает, а многие ветераны вообще его бросают. Не потому ли, что стопроцентная инвалидность обеспечивает ветерана доходом около 3 тыс. долларов в месяц, не облагаемых налогом.

Теоретически самые травмированные люди должны требовать больше помощи, а не меньше. Но инспекторы пришли к печальному выводу, что некоторые ветераны приходят на лечение только для того, чтобы повысить свой уровень нетрудоспособности и потребовать дополнительной компенсации. Это невероятная трата средств налогоплательщиков. Кроме того, ошибочные диагнозы по-настоящему вредят тем ветеранам, которые действительно нуждаются в помощи.

Я общался с одним консультантом министерства, который попросил не афишировать его имени. Он рассказал, как ему пришлось физически защищать участника группы поддержки людей с ПТСР, поскольку другие ветераны хотели избить его за симуляцию. Тот консультант сказал, что многие боевые ветераны активно избегают МДВ, поскольку боятся, что не смогут держать себя в руках при виде людей, которые, на их взгляд, доят систему. «Тех, кто многое повидал, это не на шутку бесит», – сказал он мне.

подавляющее большинство травмированных ветеранов, однако, не симулируют симптомы. Да, они возвращаются с войн, которые безопаснее, чем те, в которых участвовали их отцы и деды, но все же куда большее их число испытывает депрессию и отчуждение. Это верно даже для людей, которые не были в бою.

Проблема, похоже, заключается не в травме, полученной на поле боя, а скорее в возвращении в общество. И ветераны в этом не одиноки.

Широко известный факт о Корпусе мира. Какой бы тяжелой ни была жизнь в отсталой стране, возвращение в развитую страну может быть куда тяжелее. Исследования выявили, что один из четырех волонтеров Корпуса мира сообщает о сильной депрессии, когда оказывается дома.

Многokrатно показано, что восстановление после войны сильно подвержено влиянию общества, к которому принадлежит человек. Где-то этот процесс сравнительно легок, но, похоже, не в нашем современном обществе. Среди американских ветеранов одни сильно преувеличивают травму, другие очень тяжело переживают ее, но остается еще большое число людей, которые жили совершенно обычной жизнью в военное время, но, вернувшись домой, все равно испытывают пугающую отчужденность. С точки зрения медицины такое чувство не то же самое, что ПТСР, и, вероятно, оно заслуживает собственного диагностического наименования. Однако и то и другое являются следствием военной службы за рубежом, поэтому ветераны и медики одинаково склонны объединять их. Как бы то ни было, следует задаться вопросом: что такого есть в современном обществе, что возвращение в него настолько подрывает моральный дух?

При любом обсуждении ветеранов и их общего чувства отчуждения необходимо учитывать то, что множество солдат начинают скучать по войне после ее окончания. Этот тревожный факт можно обнаружить в письменных источниках, оставшихся после каждой войны, в разных странах, в разных столетиях. Как бы ни было неловко говорить это, но окончание войны также становится вкладом в травму.

«Впервые в нашей жизни мы были как бы в племени, где могли бесстрашно помогать друг другу», – сказал бывший артиллерист Уин Стрэк историку Стадсу Теркелю для его книги «Хорошая война». Стрэк также был известным певцом жанра фолк, а в эпоху Маккарти он попал в черный список за политическую деятельность. «На одну пушку приходилось пятнадцать человек. Пятнадцать человек впервые в жизни оказалось не в обществе, заточенном на амбиции. Мы не надеялись стать офицерами, и мне очень нравилось это чувство... Именно отсутствие соревнования, границ и всех этих фальшивых стандартов нравилось мне в армии».

Невзгоды часто приводят к тому, что люди начинают сильнее зависеть друг от друга, и эта близость может создавать некую тоску по трудным временам, которой подвержено даже мирное население. После Второй мировой войны многие лондонцы заявляли, что скучают по тем интересным и опасным дням. «Я бы не прочь проводить так один вечер в неделю, иначе жить не интересно», – ответил один мужчина на вопрос о воздушных налетах.

А война даже необязательно должна быть «горячей». В 2014 году один американец написал на форуме о войне: «Я не был на войне, но пережил эпидемию СПИДа. Теперь, когда СПИД уже не является смертным приговором, я скучаю по дням невероятной сплоченности, которые принесли сильные переживания и понимание. Подобных ощущений я никогда больше не испытывал со времен той чумы».

Вероятно, люди скучают не по опасности и потерям, а по единению, которое часто возникает в этих условиях. Группа, конечно, давит на человека, но еще сильнее на него давит изоляция.

Большинство приматов, включая людей, очень социальны. Одиноким приматам редко удавалось выжить в дикой природе. Современный солдат, возвращающийся с поля боя, или мирный житель,

переживший кризис в Сараево, покидают некую тесную группку и возвращаются в общество. А там большинство людей работают вне дома, детей обучают незнакомцы, семьи изолированы от более крупных сообществ, а личная выгода почти полностью затмевает коллективную пользу. Даже если он или она – часть семьи, это не то же самое, что принадлежать к группе, которая делится ресурсами и почти всё переживает коллективно.

Какими бы ни были технологические достижения современного общества – уединенный образ жизни, сформировавшийся благодаря этим технологиям, очень вреден человеческому духу.

«Возможно, придется сказать, что у нас вовсе не хорошее общество. У нас антигуманное общество», – заявила мне антрополог Шерон Абрамовиц. Абрамовиц была волонтером Корпуса мира в начале гражданской войны в 2002 году на Берегу Слоновой Кости. Она на себе испытала невероятно тесную связь между людьми, которая возникает в ответ на трудности и опасность. «Мы нехорошо относимся друг к другу. Наше племя – это крайне узкий круг людей: дети, супруги, может быть, родители. Наше общество отчужденное, техничное, холодное и сбивающее с толку. Мы, люди, испытываем фундаментальное желание быть рядом с другими, но наше общество этого не допускает».

В армии, даже во вспомогательных подразделениях, очень заметно, что никто никогда не остается в одиночестве. Многие дни и даже месяцы вы в любой момент можете поговорить и даже прикоснуться к десятку человек. Когда я был с американскими солдатами на их позициях в Афганистане, мы спали вдсятером в одной хижине на двуспальных кроватях, которые отстояли друг от друга всего на пару футов. С моего места можно было дотянуться до троих других мужчин. Они храпели, они болтали, они поднимались среди ночи в туалет, но нам всегда было спокойно, потому что мы были группой. Мы попадали под атаки десятки раз, но мне все равно спалось лучше в окружении этих шумных храпящих мужиков, чем когда-либо одному в палатке в лесах Новой Англии.

Такой групповой сон был нормой на протяжении всей человеческой истории, и он до сих пор часто практикуется в большей

части мира. Европейские общества входят в число немногих, где люди спят одни или с партнером в отдельной комнате, а это может сильно влиять на их психическое здоровье в общем и на ПТСР в частности. Практически всем млекопитающим идет на пользу сотрудничество. Даже лабораторные крысы быстрее восстанавливаются от травмы, когда сидят в клетке с другими крысами, а не одни. Обнаружилось, что если людям не хватает социальной поддержки, то ПТСР развивается у них в два раза чаще, чем при любой тяжелой травме. Другими словами, вы могли получить сравнительно легкую рану, находясь в тыловой роте, и страдать от долгосрочного ПТСР просто потому, что вас мало поддержали дома.

Антрополог Брендон Корт обнаружил сходный феномен в деревнях Южного Непала, где гражданская война кипела много лет. В том районе есть два типа деревень. Исключительно индуистские, в которых присутствуют острые классовые различия, и смешанные поселения индуистов и буддистов, которые гораздо более открыты и сплочены. Солдаты, вернувшиеся в разобщенные поселения, могли оставаться травмированными чуть ли не вечно. Тогда как те, кто вернулся в дружные деревни, восстанавливались довольно быстро. «Некоторые из солдат больше походили на детей, которые вообще не бывали на войне, – сказал мне Корт. – Если лечить в ПТСР только симптомы, то вы поставите на ветеранов клеймо неизлечимых больных и вытолкнете их из общества. Но, оказавшись в коммуне или семье, они исцеляются».

Вероятно, Израиль – единственная современная страна, которая достаточно объединена, чтобы смягчить последствия масштабной войны. Несмотря на то что она длится десятилетия с небольшими перерывами, уровень ПТСР в армии обороны Израиля достигает всего одного процента.

Во-первых, эта война близка людям, она идет буквально у них на пороге, а во-вторых, государство поощряет военную службу.

«Большинство людей служили в армии, – сказал мне доктор Арье Шалев, который посвятил последние двадцать лет изучению ПТСР. – Тот, кто возвращается с поля боя, вновь интегрируется в общество, где пережитое им все очень хорошо понимают. Мы изучили психическое состояние семнадцатилетних, чьи отцы погибли на войне, сравнили их

с теми, кто потерял отцов из-за несчастных случаев. Дети погибших в бою держались намного лучше других».

По словам Шалева, чем ближе общественности настоящие боевые действия, тем понятнее им война и тем меньше трудностей солдаты будут испытывать, когда вернутся домой. Во время четвертой арабо-израильской войны в 1973 году многие израильские солдаты сражались на Голанских высотах, а за спиной у них были их дома. Из 1323 солдат, которые были ранены на той войне и обратились за консультацией к психиатрам, только около 20 процентов получили диагноз ПТСР, и менее чем у 2 процентов тот же диагноз сохранился три десятилетия спустя. Израильяне получают выгоду от того, что писатель и сторонник этики и морали Остин Дейси называет «общим мнением» о войне. Общее мнение дает солдатам оправдание жертв, к которым с уважением относится большая часть общества. Это помогает сдерживать любое ощущение тщетности, а также гнев, которые могут терзать солдат на нескончаемой войне.

Такое общественное мнение, вероятно, не поддерживается шаблонными фразами типа «Спасибо за подвиг», которые многие американцы теперь вынуждены говорить солдатам и ветеранам. Не поддерживается оно и почестями, оказываемыми ветеранам во время спортивных соревнований, или правом первыми сесть в самолет или получить небольшую скидку в магазинах. Возможно даже, что эти символические действия только увеличивают разрыв между военным и гражданским населением, подчеркивая тот факт, что некоторые люди служат своей стране, но подавляющее большинство – нет.

В Израиле, где около половины населения служит в армии, никого не надо рефлексивно благодарить за службу, как нет смысла кого-то хвалить за уплату налогов. Это никому не приходит в голову.

Поскольку современное общество значительно уменьшило в повседневной жизни травмы и насилие, любой, кто действительно сталкивается с ними, считается ужасно невезучим. Такие люди получают сочувствие и ресурсы, но им также приписывается образ жертвы, который может помешать их выздоровлению.

Антрополог Дэни Хоффман изучал психологию воинов народа мендево во время и после гражданских войн в Либерии. Он обнаружил,

что международные гуманитарные организации принесли воинам идею жертвенности. Те же до этого редко или вообще не воспринимали себя в таком ключе. «Воины не говорили: “Я – жертва”, – сказал мне Хоффман. – Но гуманитарные организации приходили и внушали им: “Вы должны себя чувствовать именно жертвами... и тогда вас накормят и возьмутся обучать”».

В нищем обществе дармовая еда и обучение рабочим навыкам давали бывшим военнослужащим невероятное преимущество. Впоследствии, как рассказал мне Хоффман, бывшие военные стали считать себя жертвами, а не преступниками. Эти люди совершали чудовищные акты насилия в ходе своих войн, и многие испытывали из-за этого сильное чувство вины. Но им так и не удалось разобраться с этими чувствами, потому что их статус жертвы мешал им осознать свои преступления. Воины менде часто говорили, что военные действия «разжигают» сердца и так преобразуют бойца, что он буквально становится кем-то другим. В таком состоянии он способен как на невероятную храбрость, так и на исключительную жестокость. Такое состояние перевозбуждения знакомо многим солдатам и спортсменам и тесно связано с нейробиологией. Для менде это значит, что необязательно переживать из-за того, что ты совершил на поле боя.

Я был в этих странах во время этих войн, и солдат с «разожженным сердцем» трудно было с кем-то спутать. Они носили амулеты и магические талисманы, вели себя как одержимые: танцевали под огнем противника, чтобы показать, как они храбры. Их не заботили жизни других людей, потому что собственная жизнь не имела для них значения. Они были настоящими нигилистами, и это сделало их самыми ужасными человеческими существами, с которыми мне приходилось сталкиваться. По словам Хоффмана, даже сильно травмированные бывшие военные могли бы вновь вернуться в общество менде. Однако если признать их жертвами и дать им сопутствующие привилегии, обычные для западного общества, то интеграция становится невозможной.

Гражданская война на соседнем Берегу Слоновой Кости разворачивалась во многом похоже, хотя гуманитарные организации имели меньше доступа к воинам. «В племенных культурах война может быть частью процесса взросления, – сказала мне Шерон Абрамовиц. – Когда молодежь возвращается с поля боя, то общество всецело

принимает их обратно, они не чувствуют себя чужими. В Соединенных Штатах мы повышаем ценность наших ветеранов словами, плакатами и знаками, но не даем им то, что по-настоящему важно для американцев, что действительно делает человека полноценным членом общества, – мы не даем им работу. Никакая честь и слава в мире не имеют значения, если общество не считает, что вы способны трудиться ему на пользу».

Такие антропологи, как Корт, Хоффман и Абрамовиц, выделили два фактора, которые критически влияют на возвращение военнослужащего в мирную жизнь. По всей видимости, Соединенные Штаты недобирают по обоим параметрам.

Во-первых, в сплоченных племенных обществах последствия травмы проходят легче, но многие современные общества имеют совершенно противоположную природу, в них царят иерархия и отчуждение. Великое богатство Америки, хотя во многом и является благом, вырастило общество индивидуалистов, которое страдает от депрессии и повышенной тревожности. И то и другое связано с хроническим ПТСР.

Во-вторых, бывших военных не нужно представлять жертвами. Человек может быть глубоко травмирован (например, пожарный, у которого погибли оба напарника и мирные жители) и без того, чтобы его считали жертвой. Пожизненные пособия по инвалидности из-за такого расстройства, как ПТСР, которое вполне излечимо и обычно не бывает хроническим, рискуют превратить ветеранов в класс жертв, который полностью зависит от государства. США – богатая страна, которая, наверное, может себе это позволить, но по человеческим меркам это непозволительно для самих ветеранов. Одно дело, когда солдатам не дают видеть себя жертвами во время развертывания войск, потому что позиция пассивной жертвы может привести к летальному исходу. Им кричат это, вбивают в головы задолго до того, как они окажутся на поле боя.

Но, вернувшись домой, они сталкиваются с такой волной жалости, что часто позволяют себе вообще не участвовать в жизни общества.

Некоторые из них действительно не могут функционировать, и об этих людях нужно немедленно позаботиться, но представьте, как это сбивает с толку всех остальных.

Вероятно, ветеранам нужно чувствовать, что в мирном обществе они так же нужны, как и на поле боя. Воины ирокезов, которые возглавляли практически все племена в радиусе 500 миль от их территории, возвращались в общество, которое поручало им охоту, рыбную ловлю и участие в повседневных делах. Дома им не приходилось адаптироваться, потому что поле боя было продолжением общества и наоборот. Так же как сейчас в Израиле.

В ходе недавнего исследования явления социальной устойчивости обнаружилось, что обмен ресурсами и их справедливое распределение – это ключевые факторы для восстановления общества после бедствий. И общества с высокой социальной устойчивостью, как кибуцы в Израиле, намного лучше защищают солдат от ПТСР, чем нестабильные общества. На самом деле социальная стабильность намного важнее для того, чтобы восстанавливаться от травмы, чем индивидуальная стабильность человека.

К сожалению, последние десять лет американские солдаты возвращались в страну, которая считается социально нестабильной. Ресурсы в ней делятся не поровну, четверть детей живет в бедности, работу найти трудно, а на минимальную оплату труда практически невозможно прожить.

Вместо того чтобы работать и вносить свой вклад в процветание общества, многим ветеранам просто предлагают пожизненные пенсии по инвалидности. И они их, конечно, принимают, а зачем отказываться? Общество, которое не различает степень травмы, не может ждать, что воины будут делать это за него.

Звонок домой с Марса

Мой отец вырос в Европе, и я часто ездил туда, вначале с семьей, а потом и самостоятельно. Мне было около двадцати лет, когда мне посчастливилось приехать в испанскую Памплону на знаменитый фестиваль – бег быков. Однажды вечером в баре я болтал с двумя уже неплохо подвыпившими испанцами. Один был одет в белую футболку и пил красное вино из кожаного сапога. Эту футболку он заливал вином каждый раз, когда прикладывался к нему. Еще на нем был пластиковый шлем викинга с фальшивыми самоцветами, о котором он, похоже, совсем забыл, хотя тот очень бросался в глаза. Парень пил и глуповато ухмылялся, приобняв своего друга, и все шло хорошо, пока в бар не зашли трое марокканцев. Они были так же пьяны и счастливы, как все остальные, пока самый крупный из них не заметил шлем викинга на голове моего приятеля. Он широкими шагами подошел прямо к нему и схватился за головной убор. «Это мой шлем! – закричал он по-французски. – Ты его украл!»

Я один знал и испанский, и французский, так что мне пришлось перевести его слова. Мой друг, держась за шлем, тоже закричал: «Неправда, он мой!» И тут всё завертелось. Все пятеро стали вырывать шлем друг у друга из рук. Они не махали кулаками, потому что никто не хотел ослаблять хватку, но дело явно шло к этому. Парни топтались, рычали на двух языках, постепенно ломая шлем. Но вдруг мой приятель воскликнул: «Стойте! Он ломается».

Стало очень тихо. Спорщики уставились друг на друга. Наконец испанец повернулся ко мне и спросил очень вежливо, как по писаному: «Не соблаговолит ли благородный сеньор взять этот шлем в свои руки и защищать его ценой чести моей семьи, а также своего доброго имени?» Я, не представляя, как долго нужно быть знакомым с человеком, чтобы заступиться за него в пьяной драке, тем не менее согласился. Друг передал шлем мне. Теперь я стоял в кругу лицом к лицу с тремя пьяными марокканцами, а приятель отошел к барной стойке и заговорил с барменом. Сцена была похожа на чопорное заседание уголовного суда.

Через минуту бармен выпрямился, вытащил откуда-то снизу кувшин красного вина с завинчивающейся крышкой. Стояла гробовая тишина, и всё как-то замедлилось, как будто все мы разыгрывали давно придуманные роли. Мой друг подошел с кувшином к нашему абсурдному кругу и наполнил шлем красным вином. Помню, как жидкость коснулась моих пальцев и окрасила их в красный цвет. Затем с невероятной торжественностью испанец подставил одну руку под шлем и велел его отпустить. Потом он обратился к самому агрессивному из своих противников: «Ты гость в моей стране. Пей первым».

Тот принял шлем и сделал несколько глотков так, что вино потекло по шее. Затем он передал шлем дальше. Каждый из парней отпивал и передавал этот своеобразный кубок другому. Я тоже приложился, когда очередь дошла до меня. Шлем переходил из рук в руки, пока не опустел. Тогда бывшие спорщики пустили по кругу кувшин с тем же красным вином. Довольно скоро в нем тоже показалось дно, и его заменили. Остальные посетители вернулись к выпивке и своим разговорам. Меня тоже в них втянули. Приблизительно через час я оглянулся. Все пятеро стояли в кругу обнявшись и распевали песни на двух языках. Шлем валялся, забытый, под столом.

Мне нравится, как этот случай показывает сходство между мужским спором и мужской дружбой. Как будто два проявления одного и того же качества. Просто измени пару деталей, и, вместо того чтобы драться, мужчины объединяются. В общности кроется огромный потенциал, главное – убедить людей, что сотрудничать полезнее, чем конфликтовать.

Однажды я спросил ветерана войны: кого бы он больше хотел иметь – врага или еще одного близкого друга? Он посмотрел на меня как на безумца и ответил: «О, врага, это сто процентов! Точно говорю. Друзей у меня и так полно. – Тут он ненадолго задумался. – Хотя со всеми лучшими друзьями я дрался, и дрался не на жизнь, а на смерть. Мы всегда были пьяны, когда это случилось... нет, но ты подумай...» Он покачал головой, как будто ему и самому в это не верилось.

Никто не станет спорить, что современное общество – это почти что рай. Подавляющему большинству из нас не приходится собственноручно выращивать свою еду или охотиться на нее, строить жилища или защищаться от диких зверей и врагов. За один день мы

можем преодолеть тысячу миль, нажимая ногой на педаль газа, или облететь полмира в кресле самолета. У нас есть лекарства, которые снимают боль, а если нам грустно, мы можем принять таблетку, которая изменит наше настроение. Мы очень многое понимаем об устройстве Вселенной, от атомных частиц до наших собственных тел и скоплений галактик. И пользуемся этим знанием, чтобы сделать свою жизнь еще лучше и проще. Самые бедные люди в современном обществе наслаждаются таким физическим комфортом, который тысячу лет назад был немислим, не говоря уж о настоящих богачах.

И все же.

Цена комфорта современного общества очень высока, начиная с экологии планеты и заканчивая проблемами человеческой психики. Но дороже всего нам может стоить утрата нашей общности.

Если человеческой расе угрожает какая-то опасность, которая пока нами не осознана, наверняка она будет общей для всех. И мы либо решим эту проблему, либо нет. Например, если будущее планеты зависит от нормирования потребления воды, то тесная коммуна сможет куда эффективнее обязать людей следовать новым правилам, чем даже правительства на местах. Таков был путь нашей эволюции, и до сих пор он, очевидно, был успешным.

Для ранних людей были характерны систематический дележ еды и защита группы. Другие приматы редко этим занимались, но наиболее прогрессивный их вид – гоминиды – делал это все чаще. Такое поведение поставило гоминидов на тропу эволюции, которая создала современный мир. Самое раннее и самое простое определение коммуны или племени – это группа людей, которую вы помогаете прокормить и защитить. И если общество не позволяет своим членам быть бескорыстными, то, с точки зрения племени, это никакое не общество, а обыкновенная политическая организация, которая за неимением врагов, вероятно, развалится сама.

На войне солдаты начинают мыслить как члены племени, но с возвращением домой они понимают, что их племя на самом деле не страна, а их отряд. Нет никакого смысла жертвовать собой ради группы, которая сама не желает пойти ради тебя на жертвы. Вот в каком

положении оказываются американские солдаты последние пятнадцать лет.

Перед войной в Ираке в 2003 году было время, когда на бамперах американских машин стали появляться стикеры с текстом «Я не плачу кровью за нефть». Слоган подразумевал, что в Ираке воюют за нефть, но большинство как будто не уловило противоречия. Ведь автомобиль с этим стикером работает на нефти. Действительно, любой источник нефти наносит огромный ущерб либо местному населению, либо природе, и, если вы водите машину, вы неизбежно усугубляете этот ущерб.

Я был глубоко против войны в Ираке, но по другим причинам. Однако антивоенная риторика вокруг темы нефти, затеянная людьми, которые продолжали заливать ее продукты в свои машины, показала лицемерие политики. Общественность часто винят в том, что она не обращает внимания на своих военных, но, честно сказать, она вообще ни на что не обращает внимания. Земледелие, добыча минералов, производство газа и нефти, перевозка грузов, лесозаготовки, рыболовство, строительство инфраструктуры – вся государственная промышленность практически незнакома людям, которые сильнее всего от нее зависят.

Как бы велики ни были солдатские жертвы, американские рабочие страдают еще сильнее. Куда больше американцев погибает каждый год на опасном производстве, чем за всю афганскую войну. Например, в 2014 году 4679 рабочих лишились жизни. Больше 90 процентов – молодые рабочие на производстве, где гибнет столько же людей, сколько в армии США. Общественность почти не уважает работу, которая ведется у них на глазах, например строительство. И оплачивается эта работа хуже, чем дела за закрытыми дверями – операции с недвижимостью или финансами. А ведь именно такая работа удовлетворяет срочные физические нужды общества. Рабочие на стройке гораздо важнее в повседневной жизни, чем биржевые маклеры, но все же они находятся гораздо ниже на социальной и финансовой лестнице.

Фундаментальное отсутствие общности позволяет людям действовать тривиально, но совершенно эгоистично. Рейчел Йегуда считает, что примером бытовой разобщенности общества может служить банальное выбрасывание мусора на землю. «Это ужасное

зрелище, ведь оно как бы подкрепляет идею о том, что ты совершенно один, что нет общего духа, который защищает общественные ценности, – сказала она. – Оно воплощает то, что каждый сам за себя. Это обратная противоположность армии».

В таком смысле мусор на земле – это миниатюрная версия банковских махинаций на миллиарды долларов или мошенничества с пособиями по инвалидности. Разбрасывая мусор, вы отрицаете, что живете в окружающем мире. А когда вы обманным путем требуете денег от правительства, то вы крадете их у своих друзей, семьи и соседей, и этим вы сильнее вредите себе, чем причиняете финансовый вред своей стране. Один обеспокоенный маленький мальчик спросил мою подругу Эллис, есть ли какой-то убедительный повод не отрывать ножки пауку. Эллис ответила, что есть. «Но ведь пауку совсем не больно», – возразил мальчик. «Я переживаю не за паука», – ответила Эллис.

Сильнее всего отчуждение проявляется не в мусоре и мошенничестве, а конечно в насилии против таких же людей, как мы.

Когда народ навахо был отправлен в резервацию в 1860 году, в их культуре очень ярко проявился один ужасный феномен. Навыки воинов, которые защищали навахо тысячи лет, были больше не нужны в эту новую печальную эпоху, и люди волновались, что теперь они направят свои силы против общества. Это усилило их веру в оборотней.

По легенде, оборотни почти всегда мужского пола. Они носят шкуру священного животного, чтобы перенимать его силы и убивать людей своей общины. Могут невероятно быстро перемещаться по пустыне, их глаза горят как угли и парализуют одним взглядом. Считалось, что они атакуют отдаленные поселения по ночам, убивают людей, а иногда пожирают их тела. Люди по-прежнему боялись оборотней, когда я жил в резервации навахо в 1983 году, и в общем-то ко времени отъезда я тоже начал их бояться.

Практически в каждой культуре мира есть своя версия мифа об оборотне. В Европе, например, их зовут вервольфами (это буквально означает «человек-волк» на староанглийском языке). Этот миф связан с фундаментальным страхом человеческого общества, что даже победив

внешних врагов, ты все равно будешь уязвим перед одиноким безумцем из числа своих.

Англо-американская культура не считает оборотня угрозой, но и в ней есть своя версия этого явления.

С начала 1980-х годов в США все быстрее росла частота случаев беспорядочной стрельбы, их количество где-то к 2006 году увеличилось вдвое. Беспорядочной стрельбой обычно называют нападение одиночного стрелка на случайных людей, в результате которого в одном месте оказываются убитыми несколько человек. В сущности, эти преступления практически совпадают с угрозой, которой индейцы навахо сильнее всего боялись в резервации. Это убийство и хаос, сотворенные одним человеком, который отринул все социальные преграды и напал на людей в тот момент, когда они сильнее всего уязвимы и не подготовлены к этому. В современном мире такое происходит не в деревянных домах, а в кинотеатрах, школах, торговых центрах, местах религиозного поклонения или просто среди улицы.

Взглянув на сообщества, где совершаются такие преступления, можно сделать ряд открытий.

Беспорядочной стрельбы практически не бывает в городских гетто. На самом деле расстрелы в школах почти всегда происходят в спокойных городах с преимущественно белым населением.

Около половины массовых расстрелов происходит в сообществах среднего и высшего классов, а остальные – чаще всего в небольших городках, где преобладает белое христианское население и уровень преступности невысок. С 1980-х годов почти 600 человек погибли в результате беспорядочной стрельбы. Считается, что стрелки – это серьезно больные социопаты, но тогда почему они не атакуют людей в криминальных городских районах, в отличие от богатых сообществ?

Перестрелки бандитов, которые, конечно, часто бывают беспорядочными, – явление несколько иное. Скорее они связаны с излишней лояльностью и мстительностью в банде, а погибают из-за них случайные прохожие.

Соединенные Штаты впервые пострадали от волны беспорядочной стрельбы в 1930-е годы, когда общество было сильно напряжено и расколото Великой депрессией. Нестабильные жестокие индивиды,

возможно, почувствовали, что их больше не сдерживают социальные нормы, которые умирляли предыдущие поколения потенциальных убийц.

Во время Второй мировой войны число случаев беспорядочной стрельбы сильно сократилось, но в 1980-е выросло вновь и с тех пор неуклонно растет. Несмотря на материальные блага, которыми обладает средний класс американцев, стоит задуматься – не потерял ли он то необходимое ощущение единства, которое не дает мужчинам проявлять откровенную жестокость?

В последний раз США так сплотились после террористических атак 11 сентября. В последующие два года массовых расстрелов не происходило. Эффект был особенно выражен в Нью-Йорке, где уровень жестоких преступлений, самоубийств и психических нарушений сразу понизился. Известно, что во многих странах антисоциальное поведение снижалось в военное время. Уровень самоубийств в Нью-Йорке упал почти на 20 процентов за шесть месяцев после атак, количество убийств – на 40 процентов, а фармацевты не отметили притока новых пациентов с рецептами на антидепрессанты. Более того, ветераны, которых лечили от ПТСР, испытали сильный спад симптомов в месяцы после атак 11 сентября.

Чтобы определить, чего не хватает американцам в повседневной жизни, нужно изучить, как меняется их поведение, когда нарушается привычный ход жизни.

«Я звонил маме с Марса только один раз», – сказал мне ветеран Вьетнама Грегори Гомес. Гомес – индеец, выросший в Техасе. Его дед был казнен техасскими рейнджерами в 1915 году, потому что у него хотели отнять землю. Того подвесили на суку дерева, отрезали гениталии и запихали в рот. Поэтому Гомес не чувствовал преданности правительству США, но все равно вызвался служить во Вьетнаме.

«Большинство индейских парней поехало во Вьетнам, потому что мы воины, – сказал мне Грегори. – Я воевал не за эту страну. Я воевал за Землю-мать. Я хотел побывать в бою. Я хотел узнать, как поведу себя».

Гомес служил в разведке морской пехоты, одном из самых элитных подразделений армии США. Он был в группе из четырех человек, которых на несколько недель кряду забрасывали на вертолете в джунгли. У них не было медика или воздушной поддержки, они не

решались есть пайки, потому что боялись выдать себя запахом. Они ели вьетнамскую еду и наблюдали, как вражеские солдаты проходят по густым джунглям всего в нескольких ярдах от них. «Каждый, кто пережил нечто подобное, получил травму, и назад уже ничего не вернуть, – рассказывал он. – Вам восемнадцать или девятнадцать, а вы вдруг врзаетесь в стену и начинаете стареть на глазах».

В американских войнах участвует больше индейских солдат, чем представителей любой другой национальности. Они – продолжатели древней культуры войны, которая защищает воина от общества и наоборот. Хотя эти традиции явно потеряли почву после окончания индейских войн, их базовые принципы весьма поучительны. Когда Гомес вернулся домой в Техас, он, в сущности, «ушел в подполье» больше чем на десять лет. Он не пил, но иногда мог выйти в магазин за газировкой и оказаться в Оклахома-сити, не имея ни малейшего понятия о том, как туда попал.

Наконец он начал ходить к терапевту МДВ и одновременно участвовать в традиционных индейских ритуалах. Похоже, это сочетание помогло ему. «Мы проводим много церемоний в ритуальных парильнях, это часть очищения, – рассказывал он. – Церемония поиска видений обычно занимает четыре дня, и вы поститесь все это время, так что ваш организм довольно сильно очищается. Вы очищаетесь от токсинов, так сказать. Вы, в общем-то, находитесь под кайфом».

В 1980-е Гомес испытал на себе чрезвычайно болезненный «танец солнца» – традиционную церемонию индейцев лакота, которая много лет находилась под запретом правительства США. В 1934 году ее наконец-то узаконили. В начале церемонии танцорам в кожу на груди вонзают деревянные шпильки. К шпилькам привязывают кожаные ремешки и прикрепляют их к высокому шесту в центре танцевальной площадки. Под ритмичный барабанный бой танцоры перемещаются по кругу и дергаются на этих ремешках, пока спустя много часов не освобождаются от шпилек.

«Я двигаюсь в танце, вздымаю руки, кричу и вижу, как пронзавшие меня палочки, словно при замедленной съемке, вылетают из моей груди к дереву предков, – рассказывал Гомес. – И я испытал ощущение необыкновенной эйфории и силы, как будто я способен на все. Вот когда начинается исцеление. Вот когда жизнь начинает меняться».

Американские племена по-разному строили свою культуру и экономику, поэтому у них было разное отношение к войне.

Кочевые конные культуры Северных равнин, такие как лакота и шайенны, считали, что война – это способ проявить отвагу для молодых мужчин.

Апачи избегали сражений и предпочитали захватнические экспедиции, для которых требовались хитрость и выносливость.

Оседлые папаго, чья экономика во многом основывалась на земледелии, считали войну формой безумия. Люди, которые были вынуждены отбивать атаки других племен, должны были в течение шестнадцати дней проходить ритуал очищения, прежде чем вернуться в общество. Вся коммуна участвовала в этих ритуалах: считалось, что пагубному влиянию войны подвержены все члены племени. После церемонии воинов считали превосходящими своих собратьев, потому что какой бы ненавистной и безумной ни была война, она все равно приносила мудрость.

После обеих мировых войн индейские ветераны стали проводить традиционные церемонии в своих резервациях, чтобы облегчить возвращение к мирной жизни. Танец тыкв индейцев кайова, в частности, был популяризован на территориях других племен в попытке исцелить психические раны, нанесенные войной. В 1980-е Внутриплеменная ассоциация ветеранов Вьетнама начала проводить ежегодные летние пау-вау в Оклахоме, открытые для ветеранов любой расы. Исполняя танец тыкв, люди волочили за собой захваченные флаги вьетконговцев по той же грязи, в которой их предшественники тащили американские флаги во времена индейских войн. «Воинам нужно было отдать должное, на них возлагалась ответственность за других, за порядок, словом, на них возлагалось лидерство», – заметил один антрополог об этих церемониях.

Современная Америка – светское общество, которое не может просто позаимствовать ритуалы у индейской культуры, чтобы исцелить собственные психические раны. Но дух общественного исцеления и единения, который заложен в основу таких церемоний, – это то, чему можно поучиться.

Во всех культурах церемонии созданы для того, чтобы передать обществу опыт отдельной группы людей. Когда люди хоронят

возлюбленных, когда женятся, когда оканчивают университет – они во время соответствующих церемоний транслируют зрителям нечто важное. Танец тыков позволял воинам показать пережитое на поле боя людям, которых они защищали. Если современная Америка не придумает способы публично бороться с эмоциональными последствиями войны, эти последствия продолжат «прожигать дыру» в ветеранах.

Однажды я принимал участие в конференции, посвященной войне, с писателем Карлом Марлантесом. Карл – мой хороший друг, и я знаю, как он гордится тем, что провел с отрядом морских пехотинцев один из самых трудных боев во вьетнамской войне. В какой-то момент один возбужденный мужчина в зале вдруг вскочил и начал кричать, что он тоже ветеран Вьетнама и что мы с Карлом не понимаем главного о войне, что вся она недопустима, вплоть до мельчайших деталей... и с шумом покинул помещение.

«Вот что случится, – сказал Карл, когда повисла ошеломленная тишина, – если вы действительно позволите ветеранам высказываться о войне».

Вполне возможно, что тот человек не повидал реального боя, а просто испытывал сильные чувства по поводу войны. Или он мог трижды пройти самые тяжелые бои и остаться под сильным впечатлением от того опыта. Так или иначе, ему явно было нужно как-то выплеснуть свои чувства широкой общественности. Современное общество редко дает ветеранам, да и кому-либо еще, возможность сделать это. К счастью, свобода слова означает, что, помимо прочего, ветераны могут встать посреди улицы с рупором и «нарушить общественный порядок».

Достойнее было бы предложить ветеранам по всей стране воспользоваться городским залом в День ветерана, чтобы они свободно могли говорить о пережитом на войне. Кто-то из них скажет, что война – это лучшее, что случилось с ними в жизни. Другие так разозлятся, что их слова будут едва ли иметь какой-то смысл. Ну а третьи станут так горько плакать, что вовсе ничего не смогут сказать. Но подобная общественная церемония наконец-то вернет опыт переживания войны всей нашей нации, вместо того чтобы оставить его только тем людям, кто воевал. Банальная фраза «я поддерживаю наших бойцов» тогда

будет что-то значить, когда вы раз в год будете приходить в городской зал, чтобы выслушать этих людей.

В День ветерана в 2015 году городской зал в штате Массачусетс был открыт ради такого события. Зал заполнили несколько сотен человек, которые больше двух часов слушали, как ветеран за ветераном выступают, снимая с себя гнет войны.

Одним из первых говорил ветеран войны в Корее, который пытался вступить в морскую пехоту в пятнадцать лет. Его не приняли, зато взяли троих его друзей, которые погибли в бою и были похоронены рядышком на Окинаве. Несколько лет спустя он отдал им честь у их могил по дороге в Корею.

Пожилая женщина встала и сказала, что она воевала во Вьетнаме как мужчина, а затем ей пришлось вернуться домой и сменить пол.

Другой ветеран Вьетнама просто зачитывал многочисленные цитаты из выступлений представителей администрации Буша, которые, по его мнению, лгали о войне в Ираке.

Брендан О'Бирн рассказал, как встретил мать своего друга, которого убили через два месяца после их распределения в Афганистан. Она спросила Брендана, простил ли он убийцу ее сына, и он ответил – нет, не простил. Женщина сказала, что это обязательно нужно сделать. «И тогда я начал исцеляться, – сказал Брендан всем присутствующим. – Когда выпустил на волю гнев, который сидел у меня внутри».

Сегодняшние ветераны часто возвращаются домой и обнаруживают, что, хотя они готовы были погибнуть за свою страну, теперь им непонятно, как в ней жить.

Трудно понять, как жить в стране, которая разваливается на части из-за множества проблем. Разница в уровне доходов между богатыми и бедными все растет. Многие люди живут в коммунах, сформированных по расовому признаку. Пожилые практически оторваны от общественной жизни, а беспорядочная стрельба происходит так часто, что в прессе замолкают о ней дня через три.

А политики время от времени обвиняют несогласных в том, что они намеренно пытаются навредить собственной стране. Это обвинение так сильно разрушает единство общества, что большинство древних племен, скорее всего, наказывали бы за такое как за предательство. Это полное безумие, и ветераны знают это. В бою

солдаты начисто игнорируют расовые, религиозные и политические различия в своем отряде. Неудивительно, что многие из них мучаются депрессией, вернувшись домой.

Я знаю, каково это – вернуться в Америку из зоны военных действий, потому что сам делал это не раз. Поначалу наш уровень комфорта и благосостояния немного шокирует, но за этим следует гнетущее осознание того, что мы живем в обществе, которое, по сути, воюет само с собой. Люди с невероятным презрением говорят в зависимости от их взглядов о богатых, бедных, образованных, мигрантах, президенте или обо всем правительстве США. Так обычно презирают врага во время войны, только теперь так думают о своих согражданах.

В отличие от критики, презрение особенно ядовито, поскольку оно морально унижает. Презрение часто направлено на людей, которых исключили из группы или объявили недостойными привилегий. Часто к презрению прибегают правительства, чтобы риторически оправдать пытки и насилие. Презрение – одно из четырех типов поведения, которое, по статистике, предвещает развод в женатых парах. Люди, говорящие с презрением друг о друге, вряд ли долго проживут вместе.

Самая тревожная риторика исходит из спора между либералами и консерваторами, и это опасная трата времени, поскольку обе стороны правы. Непрекращающаяся тревога консерваторов о высоких налогах, поддерживающих безработных «деклассированных элементов», имеет корни в нашем эволюционном прошлом, и от нее нельзя отмахиваться. Ранним гоминидам жилось нелегко, бездельники были прямой угрозой для выживания, поэтому мы чрезвычайно остро чувствуем, пользуются ли нами задаром члены нашей собственной группы. Но точно так же одним из признаков раннего человеческого общества была культура сочувствия, которая приучила нас заботиться о больных, пожилых, раненых и страдающих. По современным меркам, это общая либеральная тревога, которую также надо учитывать.

Две эти движущие силы сосуществовали сотни тысяч лет в человеческом обществе и были должным образом закодированы в политике США в виде двухпартийной политической системы. Вечный спор о так называемых программах социального обеспечения и, говоря шире, о либеральных и консервативных идеях никогда не будет

завершен, потому что каждая сторона представляет собой древний и абсолютно необходимый компонент нашего эволюционного прошлого.

Итак, как же объединить безопасную, богатую страну, которая погрязла в бессмысленной политической игре с самой собой?

Как показать ветеранам, что они возвращаются в сплоченное общество, за которое в первую очередь стоило сражаться? Я задал этот вопрос Рейчел Иегуде из госпиталя в Нью-Йорке. Иегуда видела вблизи последствия такого антисоциального деления среди травмированных ветеранов. «Меня ужасает то, как сильно люди концентрируются на различиях. Почему бы не сосредоточиться на том, что нас объединяет?»

Соединенные Штаты обладают такой мощью, что единственная страна, которая могла бы разрушить ее, – это она сама. А значит, террористам в идеале следует оставить ее в покое. Тогда самые дурные человеческие устремления беспрепятственно вырвутся на волю, и их не сдержат ужасы предстоящей войны.

Главная угроза для существования племени – это не соревнование между его членами, которое как раз нужно поощрять. Главная угроза – это усиленное расторжение связи с другими членами группы. Именно это и пытаются сделать политики обеих партий, когда отпускают ядовитые замечания в адрес своих соперников. Именно это делают медийные фигуры, когда в открытую оскорбляют своих сограждан. Оскорбление людей, с которыми находитесь в одном окопе во время боя, – это невероятная глупость, и публичные фигуры, которые думают, что их страна не является потенциально одним большим форпостом, сильно заблуждаются.

В 2009 году американский сержант Боу Бергдал проскользнул в щель в колючей проволоке в Афганистане и ушел в ночь из расположения своей части. Его быстро поймал патруль талибов. Американские военные организовали массовые поиски, а следовательно, сотни товарищей сержанта оказались под угрозой. Солдаты чувствовали себя настолько преданными, что, когда пять лет спустя Бергдал был репатриирован, многие требовали, чтобы его судили за предательство. Но юридически это преступление не было предательством, поэтому армия США обвинила его в дезертирстве. А дезертирство по сей день карается смертью.

Коллективная ярость в отношении сержанта Бергдала является идеальным примером проявления племенного эпоса, который каждая группа или страна создает, чтобы поддерживать внутри себя сплоченность и преданность. Однако эта ярость в Соединенных Штатах довольно узколоба.

Бергдал рискнул жизнями большого числа людей. Но, с объективной точки зрения, он причинил своей стране куда меньше ущерба, чем финансовый коллапс 2008 года, когда банкиры вкладывали триллионы долларов налогоплательщиков в откровенно мошеннические ипотеки. Эти преступления были совершены, когда десятки тысяч американцев сражались и умирали в войнах за рубежом. Почти 9 млн. человек лишились работы во время финансового кризиса, 5 млн. семей потеряли кров, уровень безработицы повысился до 10 процентов.

Почти сотню лет уровень самоубийств в стране почти точно соответствовал уровню безработицы, после финансового коллапса количество самоубийств в Америке повысилось почти на 5 процентов. Экономический спад унес дополнительно почти 5 тыс. американских жизней в первые два года, и в основном это были белые мужчины средних лет. Эта цифра близка к потерям солдат в Ираке и Афганистане, вместе взятым. Если сержант Бергдал предал свою страну, что вполне очевидно, то, конечно, банкиры и торговцы, которые вызвали финансовый кризис, сделали то же самое. Но ими возмущались далеко не так, как Бергдалом.

Ни один генеральный директор высокого уровня не был осужден в связи с финансовым крахом, не говоря уже о том, чтобы получить тюремный срок. Напротив, большинство из них в дальнейшем удостоились огромных премий.

Джозеф Касано из AIG Financial Products, известный как «Мистер Поменял Кредит на Дефолт», возглавлял отдел, который требовал финансовой помощи от правительства США в размере 99 млрд. долларов, но одновременно выдал подчиненным премий на 1,5 млрд. долларов, включая 34 млн., выплаченных им самому себе.

Роберт Рубин из «Сити-банка» получил премию в 10 млн. долларов в 2008 году, пока работал в совете директоров компании, которая потребовала 63 млрд. долларов из федеральных фондов, чтобы избежать краха.

Если говорить о цифрах поменьше, то более 5 тыс. биржевых игроков Уолл-стрит получили по миллиону долларов в качестве премий, несмотря на то что они работали на финансовые фирмы, получившие наибольшую помощь от правительства США.

Ни одна из политических партий в открытую не обвинила этих людей в предательстве американского народа, но каждая из них быстро предала остракизму сержанта Бергдала.

В стране, которая так капризно относится к лояльности своих граждан, будет сложно выработать любой тип племенного эпоса. К счастью, проблема не в этом. Племенное поведение заключается в способности пойти на серьезные жертвы ради своей коммуны. Это может быть ваш район, рабочее место или вся ваша страна. Конечно, не нужно быть «морским котиком», чтобы это сделать.

В конце 2012 года, завершая эту книгу, я увидел некролог в «Нью-Йорк Таймс» о Мартине Баумане, который мирно скончался в возрасте восьмидесяти пяти лет. В статье говорилось, что мистер Бауман пошел в армию в 1950-е, заболел полиомиелитом во время службы, окончил колледж, университет и в конце концов открыл успешную фирму по подбору кадров в Нью-Йорке. Фирма подыскивала людей на топовые исполнительные должности по всей стране, но это не спасло ее от экономического краха. В 1990-е компания Баумана пережила первый убыточный год за три десятка лет.

Согласно заметке в «Таймс», мистер Бауман созвал подчиненных и сказал, что ему придется уменьшить их зарплаты на 10 процентов, чтобы никого не увольнять. Все согласились. Затем он потихоньку решил обойтись пока без собственной зарплаты. Подчиненные узнали об этом только потому, что им рассказал бухгалтер.

Очевидно, Бауман считал, что истинный лидер, тот, от которого зависят другие жизни, должен отдавать своему делу всего себя без остатка. Я связался с его офис-менеджером Дианой Шарф и спросил, что мистер Бауман думал о поведении начальников с Уолл-стрит во время финансового коллапса 2008 года. «О, он очень рассердился, – сказала она. – Мистер Бауман всю жизнь был республиканцем, бедным мальчишкой из Бронкса, который заработал немного денег. Но он

пришел в ярость, когда это случилось. Не мог понять, откуда такая жадность. Зачем тебе миллион, если у тебя уже есть сто?»

Бауман добровольно служил своей стране, своим подчиненным, обездоленным, инвалидам, основал от своего имени стипендиальный фонд. Он, видимо, понимал, что общество требует жертв и что эта жертва дает гораздо больше, чем отнимает.

«Было лучше, когда было намного хуже», – написал кто-то краской из баллончика на стене о потере социальной солидарности в Боснии после окончания войны. Это чувство солидарности лежит в основе того, что значит быть человеком, и оно, бесспорно, помогло нам прийти к этому моменту в истории.

Может быть, именно оно и поможет нам выжить.

Послесловие

Собирая материал для этой книги, я прочитал ошеломительную работу антрополога Кристофера Боэма под названием «Истоки морали». На одной из страниц он цитирует другого антрополога, Элеанор Ликок, которая много времени провела с индейцами крии в Северной Канаде. Она рассказала историю о том, как однажды пошла охотиться с одним из крии по имени Томас. Глубоко в глуши им повстречались три незнакомца, у которых кончилась еда, и они были ужасно голодны. Томас отдал им всю свою муку и сало, несмотря на то что у него самого осталось очень мало еды. Ликок насела на него с расспросами, и у того наконец лопнуло терпение. «Представь, я не дам им муку, сало, – объяснил он. – Тогда я буду просто мертвый внутри».

Наконец-то я нашел ответ на вопрос, почему бездомный близ Джилетта отдал мне свой ланч тридцать лет назад. Он, несмотря на свою бедность, совершенно отказывался быть «просто мертвым внутри».

Благодарности

В первую очередь мне хочется поблагодарить мою семью и хороших друзей, которые беседовали со мной на эту тему и читали черновики книги. Среди этих людей Роб Ливер, Мелик Кейлан, Остин Дэйси, Даниэла Петрова, Алан Хаффман, Джош Вайцкин, Брендан О'Бирн и моя мать Эллен. Кроме того, психолог Гектор Гарсия дал мне ценные советы и часть научных источников. Барбара Хаммон помогла мне избежать множества просчетов и тупиков, ее поддержка, мудрые наставления были для меня бесценны.

Я в долгу перед моим агентом Стюартом Кричевски, редактором Шоном Десмондом, а также издателями Кэти Сэйпол и Брайаном Маклендоном. Хотел бы поблагодарить Деб Фаттер и Джейми Рааба из «Гранд Централ», а также Пола Сэмюэлсона, который день за днем разбирался с рекламной кампанией. Мари Окуда проделала большую работу в качестве старшего производственного редактора рукописи, я очень признателен ей за превосходное знание английского языка. Ранняя версия книги появилась в журнале «Вэнити Фэйр», и я благодарен Грэйдону Картеру и Дагу Стампфу за то, что они доверились моей интуиции. Я был бы совершенно потерян без героических усилий моего исследователя Рейчел Хип-Флорес, которая смогла выполнить каждую расплывчатую просьбу, с которой я к ней обращался.

Мой отец скончался в 2012 году. Множество идей в книге родилось в беседах с ним о сложных благах «цивилизации» за целую жизнь.

Противоположную точку зрения показал мне мой друг и суррогатный дядя Эллис Сеттл, который указал, что белые пленники американских индейцев часто не хотели возвращаться в колониальное общество. Я лелеял эту идею тридцать лет, пока она не возникла снова как возможное объяснение тому, почему многие из моих знакомых солдат скучали по войне, в которой когда-то участвовали. Два этих импульса показались мне приблизительно схожими, и я решил развить идею, насколько смогу.

В результате на свет появилась эта книга.

Источники

Мужчины и псы

Association of Certified Fraud Examiners. ACFE Report Estimates Organizations Worldwide Lose 5 Percent of Revenues to Fraud. URL: <http://www.acfe.com/press-release.aspx?id=4294973129>.

Axtell James. *The European and the Indian: Essays in the Ethnohistory of Colonial North America*. N. Y.: Oxford University Press, 1981. *White Indians of Colonial America*. Fairfield, WA: Ye Galleon Press, 1979.

Battin Margaret Pabst (ed.) *The Ethics of Suicide: Historical Sources*. N. Y.: Oxford University Press, 2015.

Beasley Mark S. [et al.]. *Fraudulent Financial Reporting, 1998–2007*. Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission. URL: <http://www.coso.org/documents/COSOFRAUDSTUDY2010.pdf>.

Bennett John T. *Lawmakers Push Defense Fraud, Waste Report to Influence Supercommittee Cuts // The Hill*. 2011. October 23. URL: <http://thehill.com/news-by-subject/defense-homeland-security/189247-lawmakers-push-report-highlighting-11t-in-defense-spending-waste-fraud>.

Board of Governors of the Federal Reserve System. “Why Did the Federal Reserve Lend to Banks and Other Financial Institutions During the Financial Crisis?” URL: <http://www.federalreserve.gov/faqs/why-did-the-Federal-Reserve-lend-to-banks-and-other-financial-institutions-during-the-financial-crisis.htm>.

Boehm Christopher. *Moral Origins: The Evolution of Virtue, Altruism, and Shame*. N. Y.: Basic Books, 2012.

Bowles Samuel and Gintis Herbert. *A Cooperative Species: Human Reciprocity and Its Evolution*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011.

Boyle Douglas M., Carpenter Brian W. and Hermanson Dana. *CEOs, CFOs and Accounting Fraud// Kennesaw State University Digital Commons@ Kennesaw State University, Faculty Publications*. 2012. January. URL: <http://digitalcommons.kennesaw.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3752&context=facpubs>.

Bryan Wm. S. and Rose Robert. A History of the Pioneer Families of Missouri. St. Louis: Brand & Co., 1876.

Calloway Colin G. Neither White nor Red: White Renegades on the American Frontier. *Western Historical Quarterly*. 1986. January.

Ceremony John C. Life Among the Apache. Lincoln: University of Nebraska Press, 1968.

Coalition Against Insurance Fraud. By the Numbers: Fraud Statistics. URL: <http://www.insurancefraud.org/statistics.htm#.Vgr8wViko>.

Colden Cadwallader. The History of the Five Indian Nations. 1727. Reprint. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1958.

Colla J. [et al.]. Depression and Modernization: A Cross-Cultural Study of Women// *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology* 41, no. 4 (April 2006). P. 271–279.

Commission on Wartime Contracting in Iraq and Afghanistan. Final Report to Congress, August 2011: Transforming Wartime Contracting: Controlling Costs, Reducing Risks. Chapter 3, “Inattention to Contingency Contracting Leads to Massive Waste, Fraud, and Abuse.” URL: <http://cybercemetery.unt.edu/archive/cwc/20110929214354/>
http://www.wartimecontracting.gov/docs/CWC_FinalReport-Ch3-lowres.pdf.

Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission. “Financial Fraud at U. S. Public Companies Often Results in Bankruptcy or Failure, with Immediate Losses for Shareholders and Penalties for Executives.” News Release, May 20, 2010. URL: http://www.coso.org/documents/COSOReleaseonFraudulentReporting2010PDF_001.pdf.

The Cost of the Wall Street – Caused Economic Collapse and the Ongoing Economic Crisis Is More Than \$12.8 Trillion // Better Markets. 2012. September 15. URL: https://www.bettermarkets.com/sites/default/files/Cost%20Of%20The%20Crisis_0.pdf.

Federal Bureau of Investigation. Financial Crimes Report to the Public, Fiscal Year 2010–2011. URL: <https://www.fbi.gov/stats-services/publications/financial-crimes-report-2010–2011>.

Insurance Fraud. URL: <https://www.fbi.gov/stats-services/publications/insurance-fraud>.

Federal Reserve Bank of St. Louis. Overpayments Due to Fraud by Category. URL: https://research.stlouisfed.org/publications/es/12/ES_28_2012-10-05_chart.pdf.

Fieldhouse Andrew. 5 Years After the Great Recession, Our Economy Still Far from Recovered // Huffington Post. 2014. June 26. URL: http://www.huffiingtonpost.com/andrew-fieldhouse/five-years-after-the-grea_b_5530597.html.

Fuller David L., Ravikumar B. and Zhang Yuzhe. Unemployment Insurance Fraud. Federal Reserve Bank of St. Louis Economic Research. URL: <https://research.stlouisfed.org/publications/economic-synopses/2012/10/05/unemployment-insurance-fraud/>.

Government Accountability Office. Financial Regulatory Reform: Financial Crisis Losses and the Potential Impacts of the Dodd-Frank Act // Report to Congressional Staffers. 2013. January. URL: <http://www.gao.gov/assets/660/651322.pdf>.

Improper Payments: Inspector General Reporting of Agency Compliance Under the Improper Payments Elimination and Recovery Act. 2014. December 9. URL: <http://www.gao.gov/assets/670/667332.pdf>.

Hallowell Irving. American Indians, White and Black: The Phenomenon of Transculturation // Current Anthropology 4, no. 5 (December 1963).

Heard J. Norman. White into Red: Study of the Assimilation of White Persons Captured by Indians. Metuchen, NJ: Scarecrow Press, 1973.

Hidaka Brandon. Depression as a Disease of Modernity // Journal of Affective Disorders 140 (2012). P. 205–214.

Hunter John Dunn. Memoirs of a Captivity Among the Indians of North America. 1824. Reprint. N. Y.: Schocken, 1973.

Improper Payment Amounts. (FY 2004–2013). Payment Accuracy. URL: https://paymentaccuracy.gov/tabular-view/improper_payments.

Insurance Information Institute. Insurance Fraud. January 2016. URL: <http://www.iii.org/issue-update/insurance-fraud>.

Kastrup Marianne. Cultural Aspects of Depression as a Diagnostic Entity: Historical Perspective // Medicographia 33, no. 2 (2011). P. 119–124.

Kirmayer Laurence J., Lemelson Robert and Barad Mark (eds.). Understanding Trauma: Integrating Biological, Clinical and Cultural Perspectives. N. Y.: Cambridge University Press, 2007.

Krieger Lawrence S. What Makes Lawyers Happy // *George Washington Law Review* 83, no. 2 (2015). P. 554.

Lee Richard B. and De Vore Irven (eds.). *Man the Hunter*. Chicago: Aldine Publishing, 1968.

Lehmann, Herman. *Nine Years Among the Indians, 1870–1879: The Story of the Captivity and Life of a Texan Among the Indians*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1993.

London, Herbert. “The Fraud in Our Entitlement System.” *American Spectator*, February 2, 2012. URL: <http://spectator.org/articles/36133/fraud-our-entitlement-system>.

Luttrell David, Atkinson Tyler and Rosenblum Harvey. *Assessing the Costs and Consequences of the 2007–2009 Financial Crisis and Its Aftermath*. Federal Reserve Bank of Dallas, Economic Letter 8, no. 7 (September 2013). URL:

<http://www.dallasfed.org/research/eclett/2013/el1307.cfm>.

McFadden Cynthia and Karamehmedovic Almin. *Medicare Fraud Costs Taxpayers More Than \$60 Billion Each Year* // *ABC News*. 2010. March 17. URL: <http://abcnews.go.com/Nightline/medicare-fraud-costs-taxpayers-60-billion-year/story?id=10126555>.

Male Chimpanzees Choose Their Allies Carefully // *Springer Select*. 2012. December 3. URL: <https://www.springer.com>. Matthews Merrill. *Government Programs Have Become One Big Scammer Fraud Fest* // *Forbes*. 2014. January 13. URL: <http://www.forbes.com>.

Morelli Gilda A. [et al.]. *Cultural Variation in Infants’ Sleeping Arrangements: Questions of Independence* // *Developmental Psychology* 28, no. 4 (1992). P. 604–613.

Muller Martin N. and Mitani John C. *Conflict and Cooperation in Wild Chimpanzees* // *Advances in the Study of Behavior* 35 (2005). P. 275–331. URL: http://tuvalu.santafe.edu/~bowles/Dominance/Papers/muller_mitani.pdf.

Owens Judith A. *Sleep in Children: Cross-Cultural Perspectives* // *Sleep and Biological Rhythms* 2, no. 3 (October 2004). P. 165–173.

Paine Thomas. *Common Sense* (1776). N.Y., 1986.

Parkman Francis. *The Conspiracy of Pontiac and the Indian War After the Conquest of Canada*. Boston: Little, Brown, 1899.

Pennisi Elizabeth. *These Animals Stick Up for Social Justice* // *Slate*. 2014. May 22. URL:

http://www.slate.com/blogs/wild_things/2014/05/22/animal_social_justice_quality_in_bonobos_chimps_monkeys_lions_baboons.html.

Porter Eduardo. Recession's True Cost Is Still Being Tallied // New York Times. 2014. January 21. URL: http://www.nytimes.com/2014/01/22/business/economy/the-cost-of-the-financial-crisis-is-still-being-tallied.html?_r=0.

Riedl Katrin [et al.]. No Third-Party Punishment in Chimpanzees // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America 109, no. 37 (September 2011). P. 14824–1429. URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3443148/>.

Safina Carl. Beyond Words: What Animals Think and Feel. N. Y.: Henry Holt, 2015.

Schnurer Eric. Just How Wrong Is Conventional Wisdom About Government Fraud? // Atlantic. 2013. August 15. URL: <http://www.theatlantic.com/politics/archive/2013/08/just-how-wrong-is-conventional-wisdom-about-government-fraud/278690/>.

Seaver James Everett. A Narrative of the Life of Mrs. Mary Jemison. N. Y.: American Scenic & Historic Preservation Society, 1918.

Smith Harriet J. Parenting for Primates. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005.

Smith William. Historical Account of Bouquet's Expedition Against the Ohio Indians in 1764. 1765. Reprint. Carlisle, MA: Applewood Books, 2010.

Table 1A – Criminal Convictions. URL: http://www.sanders.senate.gov/imo/media/doc/102011-Combined_DOD_Fraud_Tables.pdf.

United States Department of Labor. Unemployment Insurance (UI) Improper Payments. URL: <http://www.dol.gov/dol/maps/statelist.htm>.

Welfare Fraud. Federal Safety Net. URL: <http://federalsafetynet.com/welfare-fraud.html>.

Zaki Jamil and Mitchell Jason P. Intuitive Prosociality // Current Directions in Psychological Science 22, no. 6 (December 2013). P. 466–470.

Zarembo Alan. As Disability Awards Grow, So Do Concerns with Veracity of PTSD Claims // Los Angeles Times. 2014. August 3.

VA Overpaid \$230 Million in Disability Claims // Los Angeles Times. 2014. July 14.

Война превращает тебя в зверя

Beach H. D. and Lucas R. A. Individual and Group Behavior in a Coal Mine Disaster. Washington, DC: National Academy of Sciences/National Research Council, 1960.

Becker Selwyn W. and Eagly Alice H. The Heroism of Women and Men // *American Psychologist* 59, no. 3 (April 2004). P. 163–178.

Burnstein Eugene, Crandall Christian and Kitayama Shinobu. Some Neo-Darwinian Rules for Altruism: Weighing Cues for Inclusive Fitness as a Function of the Biological Importance of the Decision // *Journal of Personality and Social Psychology* 67, no. 5 (1994). P. 773–789.

Costa Paul Jr., Terracciano Antonio and McCrae Robert R. Gender Differences in Personality Traits Across Cultures: Robust and Surprising Findings // *Journal of Personality and Social Psychology* 81, no. 2 (2001). P. 322–331.

Dunsworth F. A. Springhill Disaster (Psychological Findings in the Surviving Miners) // *Nova Scotia Medical Bulletin* 37 (1958). P. 111–114.

Field Geoffrey. Nights Underground in Darkest London: The Blitz, 1940–1941 // *International Labor and Working-Class History* 62 (October 2002). P. 11–49.

Fritz Charles. Disasters and Mental Health: Therapeutic Principles Drawn from Disaster Studies / Disaster Research Center. University of Delaware, 1996.

Haidt Jonathan. The New Synthesis in Moral Psychology // *Science* 316 (May 2007).

Harrison Tom. *Living Through the Blitz*. L.: Faber & Faber, 2010.

Hourani L. [et al.]. A Population-Based Survey of Loss and Psychological Distress During War // *Social Sciences Medicine* 23, no. 3 (1986). P. 269–275.

Johnson Ronald. Attributes of Carnegie Medalists Performing Acts of Heroism and of the Recipients of These Acts // *Ethology and Sociobiology* 17 (1996). P.355–362.

Jones Jon and Ourdan Rémy (eds.). *Bosnia, 1992–1995. Bosnia and Herzegovina*, 2015.

Lay Clarry, Allen Marlen and Kassirer April. The Responsive Bystander in Emergencies: Some Preliminary Data // *Canadian Psychologist* 15, no. 3 (July 1974). P. 220–227.

Levine Joshua. *Forgotten Voices of the Blitz and the Battle for Britain*. L.: Ebury Press, 2006.

Lyons H. A. *Civil Violence: The Psychological Aspects* // *Journal of Psychosomatic Research* 23 (1979). P. 373–393.

Depressive Illness and Aggression in Belfast // *British Medical Journal* 1 (1972). P. 342–344.

Mestrovic S. and Glassner B. *A Durkheimian Hypothesis on Stress* // *Social Sciences Medicine* 17, no. 18 (1983). P. 1315–1327.

Oliver-Smith Anthony and Hoffman Susanna M. (eds.). *The Angry Earth: Disaster in Anthropological Perspective*. N. Y.: Routledge, 1999.

Terkel Studs. *The Good War*. N. Y.: Ballantine, 1985.

Von Dawans Bernadette [et al.]. *The Social Dimension of Stress Reactivity: Acute Stress Increases Prosocial Behavior in Humans* // *Psychological Science* 23, no. 6 (June 2012). P. 651–660.

Wrangham Richard W. and Wilson Michael L. *Collective Violence: Comparisons Between Youths and Chimpanzees* // *Annals of the New York Academy of Sciences* 1036 (2004). P. 233–256.

Wrangham Richard W., Wilson Michael L. and Miller Martin N. *Comparative Rates of Violence in Chimpanzees and Humans* // *Primates* 47 (2006). P. 14–26.

Я просыпаюсь в горькой безопасности

Ahern J. and Galea S. *Social Context and Depression After a Disaster: The Role of Income Inequality* // *Journal of Epidemiology and Community Health* 60, no. 9 (2006). P. 766–770.

Posttraumatic Stress Disorder // American Psychiatric Association. 2013. URL: <http://www.dsm5.org/Documents/PTSD%20Fact%20Sheet.pdf>.

Axelrod S. R. [et al.]. *Symptoms of Posttraumatic Stress Disorder and Borderline Personality Disorder in Veterans of Operation Desert Storm* // *American Journal of Psychiatry* 162 (2005). P. 270–275.

Barglow Peter. *We Can't Treat Soldiers' PTSD Without a Better Diagnosis* // *Skeptical Inquirer* 36, no. 3 (May/June 2012). URL: http://www.csicop.org/si/show/we_cant_treat_soldiers_ptsd_without_a_better_diagnosis/.

Betancourt Theresa S. [et al.]. Past Horrors, Present Struggles: The Role of Stigma in the Association Between War Experiences and Psychosocial Adjustment Among Former Child Soldiers in Sierra Leone // *Social Science and Medicine* 70 (2010). P. 17–26.

Betancourt Theresa S. [et al.]. Post-traumatic Stress Symptoms Among Former Child Soldiers in Sierra Leone // *British Journal of Psychiatry* 203 (2013). P. 196–202.

Bilmes Linda J. The Financial Legacy of Iraq and Afghanistan: How Wartime Spending Decisions Will Constrain Future National Security Budgets // *Faculty Research Working Paper Series*. Harvard Kennedy School. 2013. March.

Blosnich J. R. [et al.]. Disparities in Adverse Childhood Experiences Among Individuals with a History of Military Service // *Journal of the American Medical Association Psychiatry* 71, no. 9 (2014). P. 1041–1048.

Breslau N. [et al.]. Vulnerability to Assaultive Violence: Further Specification of the Sex Difference in Post-traumatic Stress Disorder // *Psychological Medicine* 29 (1999). P. 813–821.

Bryan Craig J. [et al.]. Suicide Attempts Before Joining the Military Increase Risk for Suicide Attempts and Severity of Suicidal Ideation Among Military Personnel and Veterans // *Comprehensive Psychiatry* 55, no. 3 (2013). P. 534–541. URL: <http://www.apa.org/news/press/releases/2014/08/military-suicide-attempts.pdf>.

Buwalda B. [et al.]. Long-Term Effects of Social Stress on Brain and Behavior: A Focus on Hippocampal Functioning // *Neuroscience and Biobehavioral Reviews* 29 (2005). P.83–97.

Cantor Chris. *Evolution and Posttraumatic Stress: Disorders of Vigilance and Defence*. L.: Routledge, 2005.

Chappelle Wayne [et al.]. Suicide Among Soldiers: A Review of Psychosocial Risk and Protective Factors // *Psychiatry* 76, no. 2 (Summer 2013). P. 97–125. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0887618514000656>.

Congressional Budget Office. *The Veterans Health Administration's Treatment of PTSD and Traumatic Brain Injury Among Recent Combat Veterans*. 2012. February 9. URL: http://www.cbo.gov/sites/default/files/02-09-PTSD_0.pdf.

Crombach A. and Elbert T. The Benefits of Aggressive Traits: A Study with Current and Former Street Children in Burundi // *Child Abuse and Neglect* 38, no. 6 (June 2014). P. 1041–1050.

De Dreu C. K. W. [et al.]. The Neuropeptide Oxytocin Regulates Parochial Altruism in Intergroup Conflict Among Humans // *Science* 328, no. 5984 (June 2010).

Finley Erin P. Empowering Veterans with PTSD in the Recovery Era: Advancing Dialogue and Integrating Services//*Annals of Anthropological Practice* 37, no. 2 (November 2013). P. 75–91.

Fischer Hannah. U. S. Military Casualty Statistics: Operation New Dawn, Operation Iraqi Freedom, and Operation Enduring Freedom // Congressional Research Service. 2013. February 5. URL: <http://journalistsresource.org/wp-content/uploads/2013/02/RS22452.pdf>.

Friedman Matthew J. History of PTSD in Veterans: Civil War to DSM-5 / US Department of Veterans Affairs. URL: <http://www.ptsd.va.gov/public/PTSD-overview/basics/history-of-ptsd-vets.asp>.

Gal Reuven. Unit Morale: From a Theoretical Puzzle to an Empirical Illustration – An Israeli Example // *Journal of Applied Social Psychology* 16, no. 6 (1986). P. 549–564.

Gone Joseph P. [et al.]. On the Wisdom of Considering Culture and Context in Psychopathology // *Contemporary Directions in Psychopathology: Scientific Foundations of the DSM – V and ICD-11* / edited by Theodore Millon, Robert F. Krueger and Erik Simonsen. N. Y.: Guilford Press, 2010.

Gore T. Allen. Posttraumatic Stress Disorder Clinical Presentation // Medscape. URL: <http://emedicine.medscape.com/article/288154-clinical>.

Green B. L. [et al.]. Risk Factors for PTSD and Other Diagnoses in a General Sample of Vietnam Veterans // *American Journal of Psychiatry* 147 (June 1990). P. 729–733.

Hanwella R. and Silva V. de. Mental Health of Special Forces Personnel Deployed in Battle // *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology* 47 (2012). P. 1343–1351.

Helmus Todd C. and Glenn Russell W. *Steeling the Mind: Combat Stress Reactions and Their Implications for Urban Warfare*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2005.

Hirshon J. M. [et al.]. Psychological and Readjustment Problems Associated with Emergency Evacuations of Peace Corps Volunteers // *Journal of Travel Medicine* 4, no. 3 (September 1997). P. 128–131.

Treatment for Posttraumatic Stress Disorder in Military and Veteran Populations: Initial Assessment / Institute of Medicine of the National Academies. Washington, DC: National Academies Press, 2012.

Jones Franklin D. [et al.] (eds.). *War Psychiatry* / Army Medical Department Center and School, US Army Health Readiness Center of Excellence, 1995.

Kimhi S. Levels of Resilience: Associations Among Individual, Community, and National Resilience // *Journal of Health Psychology* 21, no. 2 (2016). P. 164–170.

Kimhi S. and Eshel Y. Individual and Public Resilience and Coping with Long-Term Outcomes of War // *Journal of Applied Biobehavioral Research* 14 (2009). P. 70–89.

Kimhi S., Goroshit M. and Eshel Y. Demographic Variables as Antecedents of Israeli Community and National Resilience // *Journal of Community Psychology* 41, no. 5 (2013). P. 631–643.

Kinney Wayne. Comparing PTSD Among Returning War Veterans // *Journal of Military and Veterans' Health* 20, no. 3 (August 2013). URL: <http://jmvh.org/article/comparing-ptsd-among-returning-war-veterans/>.

Kohrt B. A. [et al.]. Comparison of Mental Health Between Former Child Soldiers and Children Never Conscripted by Armed Groups in Nepal // *Journal of the American Medical Association* 300, no. 6 (August 2008).

Kohrt B. A. [et al.]. Designing Mental Health Interventions Informed by Child Development and Human Biology Theory // *American Journal of Human Biology* 27 (2015). P. 27–40.

Lee Michelle Ye Hee. The Missing Context Behind the Widely Cited Statistic That There Are 22 Veteran Suicides a Day // *Washington Post*. 2015. February 4.

Levav I., Greenfeld H. and Baruch E. Psychiatric Combat Reactions During the Yom Kippur War // *American Journal of Psychiatry* 136, no. 5 (1979).

Litz Brett T. and Schlenger William E. PTSD in Service Members and New Veterans of the Iraq and Afghanistan War: A Bibliography and Critique // *PTSD Research Quarterly* 20, no. 1 (Winter 2009). URL:

<http://www.ptsd.va.gov/professional/newsletters/research-quarterly/V20N1.pdf>.

McCall George J. and Resick Patricia A. A Pilot Study of PTSD Symptoms Among Kalahari Bushmen // *Journal of Traumatic Stress* 16, no. 5 (October 2003).

McNally Richard J. and Freuh Christopher B. Why Are Iraq and Afghanistan War Veterans Seeking PTSD Disability Compensation at Unprecedented Rates? // *Journal of Anxiety Disorders* 27 (2013). P. 520–526.

Marlowe David H. Cohesion, Anticipated Breakdown, and Endurance in Battle: Considerations for Severe and High Intensity Combat: Unpublished manuscript. Washington, DC: Walter Reed Army Institute of Research, 1979.

Marlowe David H. *The Psychological and Psychosocial Consequences of Combat and Deployment with Special Emphasis on the Gulf War*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2001.

Medical Surveillance Monthly Report 20, no. 3 (March 158 2013). URL: https://www.afhsc.mil/documents/pubs/msmrs/2013/v20_n03.pdf.

Morley Christopher A. and Kohrt Brandon A. Impact of Peer Support on PTSD, Hope, and Functional Impairment // *Journal of Aggression, Maltreatment and Trauma* 22 (2013). P. 714–734.

Trends in the Geographic Distribution of VA Expenditures (GDX): FY2000 to FY2009 / National Center for Veterans Analysis and Statistics. URL:

http://www.va.gov/vetdata/docs/QuickFacts/Expenditures_quickfacts.pdf.

Nock Matthew K. [et al.]. Cross-National Analysis of the Associations Among Mental Disorders and Suicidal Behavior: Findings from the WHO World Mental Health Surveys // *PLoS Medicine* 6, no. 8 (2009).

Nock Matthew K. [et al.]. Suicide Among Soldiers: A Review of Psychosocial Risk and Protective Factors // *Psychiatry* 76, no. 2 (2013).P. 97–125. URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4060831/>.

Norris F. H. [et al.]. Community Resilience as a Metaphor, Theory, Set of Capacities, and Strategy for Disaster Readiness // *American Journal of Community Psychology* 41, no. 1–2 (2008). P. 127–150.

Otto Jean L. and Webber Bryant J. Mental Health Diagnoses and Counseling Among Pilots of Remotely Piloted Aircraft in the United States Air Force // *Medical Surveillance Monthly Report* 20, no. 3 (March 2013).

Philipps Dave. Study Finds No Link Between Military Suicide Rate and Deployments // *New York Times*. 2015. April 1.

Pietrzak R. H. [et al.]. Psychosocial Buffers of Stress, Depressive Symptoms, and Psychosocial Difficulties in Veterans of Operation Enduring Freedom and Iraqi Freedom // *Journal of Affective Disorders* 120 (2010). P. 188–192.

Powers M. B. [et al.]. A Meta-analytic Review of Prolonged Exposure for Posttraumatic Stress Disorder // *Clinical Psychology Review* 30 (2010). P. 635–641.

Shah Sabir. US Wars in Afghanistan, Iraq to Cost \$6 Trillion // *Global Research News*. 2014. February 12. URL: <http://www.globalresearch.ca/us-wars-in-afghanistan-iraq-to-cost-6-trillion/5350789>.

Tanielian Terri and Jaycox Lisa H. (eds.). *Invisible Wounds of War: Psychological and Cognitive Injuries, Their Consequences, and Services to Assist Recovery*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2008. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2008/RAND_MG720.sum.pdf.

Thompson Mark. They Don't Seem to Get Better... // *Time*. 2012. February 23. URL: <http://nation.time.com/2012/02/23/they-dont-seem-to-get-better/>.

Toll W. A. [et al.]. Promoting Mental Health and Psychosocial Well-Being in Children Affected by Political Violence // *Handbook of Resilience in Children of War* / Ed. By Fernando Chandi and Michel Ferrari. N. Y.: Springer, 2013.

Vedantam Shankar. VA Benefits System for PTSD Victims Is Criticized // *Washington Post*. 2007. May 9. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2007/05/08/AR2007050801746.html>.

Veteran Statistics: PTSD, Depression, TBI, Suicide. Veterans and PTSD. URL: <http://www.veteransandptsd.com/PTSD-statistics.html>.

Yehuda R. [et al.]. Predicting the Development of Posttraumatic Stress Disorder from Acute Response to a Traumatic Event // *Biological Psychiatry* 44 (1998). P. 1305–1313.

Zarembo Alan. As Disability Awards Grow, So Do Concerns with Veracity of PTSD Claims // *Los Angeles Times*. 2014. August 3.

Zarembo Alan. Detailed Study Confirms High Suicide Rate Among Recent Veterans // *Los Angeles Times*. 2015. January 14.

Zarembo Alan. A Misunderstood Statistic: 22 Military Veteran Suicides a Day // Los Angeles Times. 2013. December 20.

Звонок домой с Марса

Facts and Figures / American Foundation for Suicide Prevention. URL: <https://www.afsp.org/understanding-suicide/facts-and-figures>.

Andriotis Annamaria, Kusisto Laura and Light Joe. After Foreclosures, Home Buyers Are Back // Wall Street Journal. 2015. April 8. URL: <http://www.wsj.com/articles/after-foreclosures-home-buyers-are-back-1428538655>.

Apuzzo Matt and Protes Ben. Justice Department Sets Sights on Wall Street Executives // New York Times. 2015. September 9. URL: <http://www.nytimes.com/2015/09/10/us/politics/new-justice-dept-rules-aimed-at-prosecuting-corporate-executives.html>.

Breslow Jason M. Were Bankers Jailed in Past Financial Crises? // Frontline. 2013. January 22. URL: <http://www.pbs.org/wgbh/frontline/article/were-bankers-jailed-in-past-financial-crises/>.

Labor Force Statistics from the Current Population Survey / Bureau of Labor Statistics. URL: http://data.bls.gov/pdq/SurveyOutputServlet?request_action=wh&graph_name=LN_cpsbref3.

CDC Study Finds Suicide Rates Rise and Fall with Economy / Centers for Disease Control and Prevention. 2011. April 14. URL: http://www.cdc.gov/media/releases/2011/p0414_suiciderates.html.

Country Comparison: Population Below Poverty Line/CIA World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2046rank.html>.

Dvorak Phred. Poor Year Doesn't Stop CEO Bonuses // Wall Street Journal. 2009. March 18. URL: <http://www.wsj.com/articles/SB123698866439126029>.

Eaglesham Jean. Missing: Stats on Crisis Convictions // Wall Street Journal. 2012. May 13. URL: <http://www.wsj.com/articles/SB10001424052702303505504577401911741048088>.

Eisinger Jesse. Why Only One Top Banker Went to Jail for the Financial Crisis // New York Times Magazine. 2014. April 30. URL: http://www.nytimes.com/2014/05/04/magazine/only-one-top-banker-jail-financial-crisis.html?_r=0.

Finklea Kristin M. Economic Downturns and Crime // Congressional Research Service. 2011. December 19. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/misc/R40726.pdf>.

Follman Mark [et al.]. US Mass Shootings, 1982–2015: Data from Mother Jones' Investigation // Mother Jones. 2012. December 28. URL: <http://www.motherjones.com/politics/2012/12/mass-shootings-mother-jones-full-data>.

Gongloff Mark. Banks Repaid Fed Bailout with Other Fed Money: Government Report // Huffington Post. 2012. March 9. URL: http://www.huffingtonpost.com/2012/03/09/bank-tarp_n_1335006.html.

Goodman Christopher J. and Mance Steven M. Employment Loss and the 2007–2009 Recession: An Overview // Monthly Labor Review. 2011. April. URL: <http://www.bls.gov/mlr/2011/04/art1full.pdf>.

Greenwald Glenn. The Real Story of How 'Untouchable' Wall Street Execs Avoided Prosecution // Business Insider. 2013. January 23. URL: <http://www.businessinsider.com/why-wall-street-execs-werent-prosecuted-2013-1>.

Grinnell G. B. The Cheyenne Medicine Lodge // American Anthropologist. New Series 16, no. 2 (1914). P. 245–256.

Holland Joshua. Hundreds of Wall Street Execs Went to Prison During the Last Fraud-Fueled Bank Crisis / Moyers & Company. 2013. September 17. URL: <http://billmoyers.com/2013/09/17/hundreds-of-wall-street-execs-went-to-prison-during-the-last-fraud-fueled-bank-crisis/>.

Home Foreclosure Rates Are Comparable to the Great Depression // Washington's Blog. 2013. May 7. URL: <http://www.washingtonsblog.com/2013/05/have-more-people-lost-their-homes-than-during-the-great-depression.html>.

Kiel Paul and Nguyen Dan. The State of the Bailout // Pro Publica. URL: <https://projects.propublica.org/bailout/>.

Leonhardt David and Quealy Kevin. The American Middle Class Is No Longer the World's Richest // The Upshot. New York Times. 2014. April 22. URL: <http://www.nytimes.com/2014/04/23/upshot/the-american-middle-class-is-no-longer-the-worlds-richest.html?rref=upshot>.

Llanos Miguel. Crime in Decline, but Why? Low Inflation Among Theories // Crime & Courts. NBC News. 2011. September 20. URL: http://www.nbcnews.com/id/44578241/ns/us_news-crime_and_courts/t/crime-decline-why-low-inflation-among-theories.

Newman K. S. [et al.]. Rampage: The Social Roots of School Shootings. N. Y.: Basic Books, 2004.

9 Wall Street Execs Who Cashed In on the Crisis // Mother Jones. 2010. January/February. URL: <http://www.motherjones.com/politics/2010/01/wall-street-bailout-executive-compensation>.

O'Neill T. D. Coming Home' Among Northern Plains Vietnam Veterans: Psychological Transformations in Pragmatic Perspective // Ethos 27, no. 4 (2000). P. 441–465.

Reeves Aaron, McKee Martin and Stuckler David. Economic Suicides in the Great Recession in Europe and North America // British Journal of Psychiatry 205, no. 3 (September 2014). P. 246–247. URL: <http://bjp.rcpsych.org/content/205/3/246>.

Savage Charlie and Lehren Andrew W. Can Bowe Bergdahl Be Tied to 6 Lost Lives? Facts Are Murky // New York Times. 2014. June 3. URL: <http://www.nytimes.com/2014/06/04/world/middleeast/can-gi-be-tied-to-6-lost-lives-facts-are-murky.html>.

Story Louise and Dash Eric. Bankers Reaped Lavish Bonuses During Bailouts // New York Times. 2009. July 30. URL: <http://www.nytimes.com/2009/07/31/business/31pay.html>.

Tapper Jake. How Did 6 Die After Bowe Bergdahl's Disappearance? // CNN. 2014. June 9. URL: <http://www.cnn.com/2014/06/08/us/bergdahl-search-soldiers/>.

Thompson Derek. Why Did Crime Fall During the Great Recession? // Atlantic. 2011. May 31. URL: <http://www.theatlantic.com/business/archive/2011/05/why-did-crime-fall-during-the-great-recession/239696/>.

Thompson Mark. The 6 U. S. Soldiers Who Died Searching for Bowe Bergdahl // Time. 2014. June 2. URL: <http://time.com/2809352/bowe-bergdahl-deserter-army-taliban/>.

Uggen Chris and McElrath Suzy. Six Social Sources of the U. S. Crime Drop // The Society Pages. 2013. February 4. URL: <http://thesocietypages.org/papers/crime-drop/>.

Unemployment and Job Insecurity Linked to Increased Risk of Suicide // Pub Med Health. 2015. February 11. URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmedhealth/behindtheheadlines/news/2015-02-11-unemployment-and-job-insecurity-linked-to-increased-risk-of-suicide/>.

Poverty: 2014 Highlights/United States Census Bureau. URL: <https://www.census.gov/hhes/www/poverty/about/overview/>.

US & Allied Killed // Costs of War / Watson Institute, Brown University. URL: <http://watson.brown.edu/costsofwar/costs/human/military/killed>.

Wilson John P. and So-kum Tang Catherine (eds.). Cross-Cultural Assessment of Psychological Trauma and PTSD. N. Y.: Springer, 2010.

Worstell Tim. The True US Poverty Rate Is 4.5 %, Not 14.5 % // Forbes. 2015. March 15. URL: <http://www.forbes.com/sites/timworstell/2015>.

Об авторе

Себастьян Юнгер – автор бестселлеров «Война», «Идеальный шторм», «Огонь» и «Смерть в Белмонте», опубликованных в «Нью-Йорк Таймс». Совместно с Тимом Хетерингтоном выступил режиссером документального фильма «Рестрепо», получившего главный приз жюри на кинофестивале «Сандэнс» и номинированного на «Оскар» в 2011 году. Он является редактором журнала «Вэнисти Фэйр», а также получил награду «Нэшнл Мэгэзин» и «SAIS Новартис Прайз» за журналистские работы. Живет в Нью-Йорке.

* * *

Примечания

1

Посттравматическое стрессовое расстройство.

Война в Персидском заливе между коалицией стран во главе с США и Ираком за независимость Кувейта, 1990–1991 годы.

3

Тиннитус – звон или шум в ушах. Это ощущение может характеризоваться пациентами как гул, шипение, свист, звон, шум падающей воды, стрекотание кузнечиков и не связано с внешним акустическим стимулом.